

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск IX

Иноземцы на русской военной службе в XV–XIX вв.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2018

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. I. [Электронный ресурс] <http://www.milhist.info/spec_9>

© www.milhist.info

© Селиверстов Д.А.

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)43

УДК 94(47).035=161.1(045)"0/2"(470+571)

Селиверстов Д.А. Литовские выходцы в Великом Княжестве Московском в первой половине XV в.

В данной статье изучается служба литовских выходцев в Великом княжестве Московском в первой половине XV в.

Ключевые слова: Великое Княжество Московское, Великое княжество Литовское, служилые князья, Иван Баба Друцкий, Александр Чарторыйский.

Автор: Селиверстов Дмитрий Анатольевич. В 1987 г. окончил Московский Всесоюзный Технологический Университет имени Баумана. С 2008 г. - активный член Проблемного совета Государственного Исторического музея.

Область научных интересов: военное дело Московской Руси XV - начала XVII в. antov-d@yandex.ru.

Литература, использованная в статье:

- Слово о погибели Русской земли по смерти великого князя Ярослава. Изборник. — М., 1969.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. — М.;Л., 1950.
- Кузьмин А.В. Опыт комментария к актам полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 30.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969.
- Бычкова М.Е. Русско-литовская знать XV-XVII веков. — М., 2015.
- Виганд из Марбурга. Новая Прусская Хроника. — М., 2014.
- Кузьмин А.В. Восточная Европа и поражение войск великого княжества литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г. // Studia Historica Europae Orientalis. — Минск, 2012. — Вып. 5.
- Кучкин В.А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // Средневековая Русь. — М., 2005. — Вып. 5.
- Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. — М., 2003.
- Кучкин В.А. Издание завещаний московских князей XIV в. (1389) Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — М., 2009.
- Герман Вартбергский. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1879. — Т. 2.
- Руммель В.В., Голубцов В.В. Родословный сборник русских дворянских фамилий — СПб., 1887. — Т. 2.

- Михайлова И.Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. — М., 2003.
- Конявская Е.Л. Повесть о Плаве и летописные статьи Тверского Сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 28.
- Шеков. А.В. Верховские княжества XIII – середина XVI в. — М., 2012.
- Зотов Р.В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во вт. половине XV – первой трети XVI в. — М., 1988.
- Бычкова М.Е. Русско-литовская знать XV-XVII вв. — М., 2015.
- Полехов С.В. Наследники Витовта. — М., 2015.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960.
- Горский А.А. Москва и Орда. — М., 2015.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969.
- Кузьмин А.В. Опыт комментария к актам полоцкой земли второй половины XIII – начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 30.
- Мазуров В.Н., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV – первой половине XV вв. — М., 2008.
- Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. — М., 1988.
- Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. — СПб., 1899. — Т. 1.
- Келембет С.Н. Суздальско-Нижегородские князья Александр Взметень и Александр Брюхатый (генеалогия и хронология правления) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2016 — № 65.
- Беспалов Р.А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. — Тула, 2009. — Вып. 4.
- Пономорёва И.Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2005. — № 22.
- Барбаро и Контарини о России. — М., 1971.
- Гагуа Р. Грюнвальдская битва в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410». — Пинск, 2009.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2018/09/23/seliverstov_2

Ссылка для печатных изданий:

Селиверстов Д.А. Литовские выходцы в Великом Княжестве Московском в первой половине XV в. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2018. — Специальный выпуск IX. Иноземцы на русской военной службе в XV-XIX вв. — Ч. I. — С. 2-73 <http://www.milhist.info/2018/09/23/seliverstov_2> (23.09.2018).

Siliverstov D.A. Native Lithuanians and their service to the Muscovy in the first part of the fifteenth century

The article explains the nature, problems and outcomes of the native Lithuanians on their service to the Russian tsars in the first part of the fifteenth century.

Key words: Grand Duchy of Muscovy; Grand Duchy of Lithuania; military nobility; Alexander Czartoryski.

About the author: Dmitry A. Siliverstov is currently working at the Moscow State Museum's Council; his interest is in the Russian military history, fifteenth – first part of the seventeenth century. antov-d@yandex.ru

References:

Duhovnye i dogovornye gramoty velikih i udel'nyh knjazej XIV-XVI vv. [Spiritual and Treaty ratification and the great princes of XIV-XVI centuries] — M.;L., 1950.

Kuz'min A.V. Opyt kommentarija k aktam polockoj zemli vtoroj poloviny XIII – nachala XV v. [Experience commentary on the acts of Polotsk land in the second half of XIII-XV century] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medeevistiki*. — 2007. — № 30.

Veselovskij S.B. Issledovanija po istorii klassa sluzhilyh zemlevladel'cev [Research on the history of the class of serving landowners]. — M., 1969.

Bychkova M.E. Russko-litovskaja znat' XV-XVII vekov [The Russo-Lithuanian nobility from the XV-XVII centuries]. — M., 2015.

Vigand iz Marburga. Novaja Prusskaja Hronika [The New Prussian Chronicle]. — M., 2014.

Kuz'min A.V. Vostochnaja Evropa i porazhenie vojsk velikogo knjazhestva litovskogo v bitve na r. Strave 2 fevralja 1348 g. [Eastern Europe and the defeat of the troops of the Grand Duchy of Lithuania in the battle on the Strava river February 2, 1348] // *Studia Historica Europae Orientalis*. — Minsk, 2012. — Vyp. 5.

Kuchkin V.A. Izdanie zaveshhanij moskovskih knjazej XIV v. (1389) Vtoraja dushevnaia gramota velikogo knjazja Dmitrija Ivanovicha [The publication of wills of the Moscow princes of the XIV century] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medeevistiki*. — M., 2009.

German Vartbergskij. Livonskaja hronika [The Livonian chronicle] // *Sbornik materialov i statej po istorii Pribaltijskogo kraja*. — Riga, 1879. — T. 2.

Rummel' V.V., Golubcov V.V. Rodoslovnyj sbornik russkih dvorjanskih familij [Genealogical collection of Russian noble families]. — SPb., 1887. — T. 2.

Mihajlova I.B. Sluzhilye ljudi Severo-Vostochnoj Rusi v XIV – pervoj polovine XVI veka [Serving people of North-Eastern Russia in XIV-first half of XVI century]. — M., 2003.

Konjavskaja E.L. Povest' o Plave i letopisnye stat'i Tverskogo Sbornika za pervoe desjatiletie XV v. [The story of Plav and chronicle articles Tver Collection for the first decade of the XV century] // *Drevnjaja Rus'. Voprosy medeevistiki*. — 2007. — № 28.

Shekov. A.V. Verhovskie knjazhestva XIII – sredina XVI v. [Verhovsky's princedoms of the XIII – the middle of XVI century] — M., 2012.

Zimin A.A. Formirovanie bojarской aristokratii v Rossii vo vt. polovine XV – pervoj treti XVI v. [Formation of the boyar aristocracy in Russia in Tue. half XV-the first third of the XVI century] — M., 1988.

Polehov S.V. Nasledniki Vitovta [The Heirs Of Vytautas]. — M., 2015.

Safargaliev M.G. Raspad Zolotoj Ordy [Disintegration Of The Golden Horde]. — Saransk, 1960.

Gorskij A.A. Moskva i Orda [Moscow and the Horde]. — M., 2015.

Jekzemljarskij A.V. Velikie i udel'nye knjaz'ja Severnoj Rusi v tatarskij period s 1238 po 1505 g. [Great and specific princes of Northern Russia in the Tatar period from 1238 to 1505] — SPb., 1899. — T. 1.

Bespalov R.A. Bitva koalicii feodalov Verhnego Pooch'ja s hanom Kujdadatom osen'ju 1424 goda [Battle of the coalition of upper Pooch feudal lords with Khan Kuidadat in autumn 1424] // Verhnee Podon'e: Arheologija. Istorija. — Tula, 2009. — Vyp. 4.

Gagua R. Grjunval'dskaja bitva v istochnikah: «Hronika konflikta Vladislava, korolja Pol'shi s krestonoscami v god Hristov 1410» [The battle of Grunwald in sources]. — Pinsk, 2009.

Internet link:

http://www.milhist.info/2018/09/23/seliverstov_2

Reference:

Siliverstov D.A. Native Lithuanians and their service to the Muscovy in the first part of the fifteenth century [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2018. — Special edition IX. Foreigners in the Russian military service in the XV-XIX centuries. — Vol. I. — P. 2-73 <http://www.milhist.info/2018/09/23/seliverstov_2> (23.09.2018).

Д. А. Селиверстов

ЛИТОВСКИЕ
ВЫХОДЦЫ
В ВЕЛИКОМ
КНЯЖЕСТВЕ
МОСКОВСКОМ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV в.

Взаимоотношения Московского и Литовского великих княжеств с самого начала их существования были достаточно тесными. Это можно объяснить тем, что династии, возглавившие эти государственные образования, преследовали одну и ту же цель — собрать вокруг себя как можно больше земель, ранее входивших в так называемую «Киевскую Русь». Конгломерат этих территорий, которые были объединены общей духовной властью митрополита Киевского и представителями династии Рюриковичей, осуществлявших власть светскую, пал под ударами «Батыева нашествия» в середине XIII в. Большая часть попала под власть ханов Улуса Джучи, государства, более известного сейчас как Золотая Орда. Часть подчинилась литовским князьям. Это обстоятельство очень огорчало русских книжников, отмечавших, что ранее *«...литва из болота на светъ не выныкываху»*¹.

Но времена изменились, и *«вылезшая из болот литва»* подняла, как опавшие яблоки, земли Западной Руси, в первую очередь входившие в состав Полоцкого княжества. Затем литовские князья начали экспансию на Восток, в сторону Смоленска, и Юг — на Волынь и Киев. Здесь они столкнулись с Рюриковичами, признавшими власть Улуса Джучи, которые при помощи татар пытались противостоять натиску литвинов. В результате более чем столетней борьбы великие князья литовские смогли распространить свою власть на смоленские, киевские, черниговские, волынские и некоторые другие земли. Но на этих территориях им пришлось признать верховную власть Золотой Орды и платить за них дань. Кроме дани полагалась и воинская служба с тех земель: *«Аже пойдуть та(та)рове на ляхы, тогда руси неволя поити и с татары»*².

Кроме военных действий литовские князья успешно применяли и династические браки. Гедимин, носивший титул «*король литовцев и многих русских*», в 1318 году женил своего сына Ольгерда на витебской княжне Марии Ярославне³. Зимой 1320–1321 гг. он отдал за тверского князя Дмитрия Михайловича Грозные (в некоторых списках — Звериныне) Очи дочь Марию⁴, чем значительно усилил его позиции в борьбе с московским князем Иваном Даниловичем Калитой. Зимой 1332–1333 гг., в связи с изменившейся политической обстановкой, другая дочь короля Гедимины Айгуста (в крещении Анастасия) выходит замуж за наследника московского княжеского дома Симеона Ивановича⁵. С тех пор подобные браки становятся постоянными, потомки Гедимины рождаются с Рюриковичами из различных княжеских домов. Они практически становятся одной семьей с той или иной степенью родства. Достаточно отметить вышеупомянутого князя Ольгерда. Первым браком он, как уже отмечалось выше, был женат на Марии Витебской. Вторым женился на тверской княжне Ульяне Александровне⁶. Все его дети были наполовину русскими. Такое положение создавало предпосылки к частым переездам представителей княжеских семейств из одного государства в другое. Данному обстоятельству весьма способствовал обычай найма «*служилых князей*» (по европейским понятиям «кондотьеров») — людей, исполняющих воинскую службу со своими вооруженными отрядами за определенную плату, по договору. В Европе такой договор имел название «*condotta*» («кондотта»), на Руси — «*ряд*». Особенно широко служилых князей использовали в Новгороде и Пскове, но и на Москве их было немало. Даже в Золотой Орде не гнушались русскими служилыми князьями, самый известный из них — Семен Дмитриевич Суздальский, про которого писали: «*Сеи же князь въ животе своемъ многы напасти подъятъ и многы истомы претерпевъ орде и на Руси, добываяся отчины своя; восемь летъ по ряду въ орде служи четьремъ царемъ: пръвому Тахтамышю, второму Аксакъ Темирю, третьему Темирь Кутлюю, четвертому Шадибеку...*»⁷.

В Москве первоначально в качестве служилых использовали князей из Западной Руси, лишившихся своих уделов в результате литовской экспансии. Первым из них можно отметить некоего Ивана, князя Друцкого, участвовавшего в походе на Смоленск зимою 1339–1340 гг.

«Тоя же зимы выиде изъ орды посол именем Товлубии, его же царь послалъ ратью къ городу къ Смоленску, а с нимъ князь Иванъ Коротопол Рязанский... И оттоле поиде ратью ис Переяславля къ городу къ Смоленску, а князь велики Иван Даниловичъ послалъ же свою рать с Товлубьемъ къ Смоленску, по цареву повелению, а отпустил князя Константина Суждальского, князя Константина Ростовского, князя Ивана Ярославичя Юрьевскаго, князя Ивана Дрютскаго, Федора Фоминскаго, а с ними воеводу Александра Ивановичя, Феодора Акинфовичя»⁸. В этом походе наряду с владетельными князьями из Суздаля, Ростова и Юрьева мы видим и служилого князя Ивана. Принадлежность его к служилым князьям подтверждает и то, что город Друцк находился намного западнее Смоленска, между Оршей и Борисовым. Сам князь Иван имел владения в Великом Княжестве Владимирском. Одно из его сел «в Дмитрове» упомянуто в духовной как купленное великим князем Симеоном Даниловичем Гордым⁹.

Интересно, что последний дмитровский князь Борис Давидович окончил свою жизнь в Орде одновременно с пребыванием там великого князя Ивана Калиты в 1334 году. В летописи событие отмечено очень лаконично: «*Выиде князь великии Иванъ изо Орды, а князь Борисъ Дмитровскыи въ Орде мертвъ*»¹⁰. Напрашивается догадка о взаимосвязи этих событий. После смерти князя Бориса княжество стало выморочным и поступило в распоряжение великого князя Ивана Даниловича. Тот вполне мог отдать его как плату за службу в «*держание*» князю Ивану Друцкому. Впрочем, это только догадки и без документального подтверждения утверждать или опровергать их бессмысленно, как и то, в каких родственных отношениях князь Иван находился с родоначальником литовской династии князей Друцких Василием Михайловичем и его братом Семеном¹¹. Был ли он их братом — неизвестно. Неизвестна и дальнейшая судьба князя Ивана. Отождествлять князя Ивана Друцкого с Иваном Одинцом, что «*приехал з Немец*» и получил «*именя у-во Друцку*»¹², довольно смело. С таким же успехом можно объявить его отцом боярина московского Андрея Ивановича Одинца и сделать родоначальником Белеутовых¹³.

По мере усиления Московского княжества количество людей, уходивших под его власть с территорий, контролировавшихся литовскими князьями, увеличивалось. Великий князь литовский Ольгерд был

вынужден жаловаться на сей прискорбный факт патриарху в Константинополь, заодно и обвинив митрополита Алексия, проводника московской политики: *«И кто поцелует крест мне, и убежит к ним, митрополит снимает с него крестное целование. Бывает ли такое дело на свете, чтобы снимать крестное целование? Иван Козельский, слуга мой, целовал крест мне со своею матерью, братьями, женою и детьми, что он будет у меня, и он, покинув мать, братьев жену и детей, бежал, и митрополит Алексий снял с него крестное целование. Иван Вяземский крест целовал и бежал и порук выдал, и митрополит снял с него крестное целование. Нагубник Василий целовал крест при епископе, и епископ был за него поручителем, и он выдал епископа в поруке, и бежал, и митрополит снял с него крестное целование. И многие другие бежали...»*¹⁴.

Самой крупной фигурой, пришедшей в то время из Литвы на Москву, несомненно, являлся Дмитрий Михайлович Боброк Волынский. Это имя широко известно, но и наиболее загадочно. Откуда пришел? Когда? Время и место смерти? К какому роду или семейству относился? Ни на один из вопросов нет ответов, подтвержденных документально. Только догадки исследователей, которые во многом зависят от их пристрастий. В настоящее время существуют две теории происхождения князя Дмитрия Михайловича. Одна, более-менее документированная, утверждает, что он сын князя Кориата — Михаила Гедеминовича, то есть литвин¹⁵. Другая — «патриотическая» — относит его к потомкам князя Даниила Галицкого. Теория красивая, но построенная на одних только допущениях, когда одно предположение вырастает из другого и принимается за истину¹⁶. Любой человек может принять одну из этих теорий или построить свою, чем мы сейчас и займемся.

На мой взгляд, подтвержденная источниками история князя Дмитрия Михайловича началась после неудачной для литовцев битвы на реке Стреве 2 февраля 1348 года. Тогда большое войско Тевтонского Ордена, усиленное английскими и французскими «пилигримами» под командованием маршала Зигфрида де Данвелта и великого командора Винриха фон Книпроде, разгромило литовское войско. В войске, согласно немецким хронистам, большинство составляли «*Ruteni*», то есть русские, из Владимира, Бреста, Витебска, Смоленска и Полоцка. *«Язычники копьа свои бросали в христиан, русины луками и стрелами*

множество людей и коней изранили. Братья же им мужественный отпор дали; и много было убитых, а именно командор гданьский (Герхард фон Штегель), один фогт епископа самбийского, Иоан де Лов, с которым было убито 50 при хоругви». Потери неприятеля немцы оценили гораздо выше: «Гнали их христиане, в реке виднелось множество убитых русских и иных — до 18 000»¹⁷. Русская летопись, наиболее близкая по времени написания ко времени битвы, дает более скромную оценку потерь: «Месяца фев[раля] 2, на Сретение Господне, приидоша Немци ратию на Литву и бысть имъ бои великъ зело и побиха Немци Литву, оубиха Литвы 4 тысуци»¹⁸. По некоторым сведениям, в битве погиб князь Наримонт (Глеб) Гедиминович, при этом вызывает сомнение то, что его именуют его «*rex Rutenorum*»¹⁹, королем Руси, и считают главным военачальником. Князь Наримонт в междоусобице, начавшейся по смерти великого князя Гедемина, поддержал старшего брата Евнутия и после его свержения бежал к хану Джанибеку. В Литве лидирующие положение заняли князья Ольгерд и Кейстут, и именно их можно было величать «*rex*». А Наримонт, вернувшись из Орды не солоно хлебавши, ненадолго удовольствовался уделом в Пинске²⁰.

Так или иначе, но поражение было чувствительное, и уже настоящий великий князь, «*rex Rutenorum*» Ольгерд Гедиминович послал своего брата Кориата к хану Джанибеку за помощью. Летопись говорит об этом так: «Олгердъ князь Литовьскыи, задумаѡъ своимъ высокоумиемъ, и посла в Орду къ царю Чанибеку брата своего Корьяда, и просилъ рати оу царя себе в помощь». Но тут нашла коса на камень, великий князь московский Симеон Гордый, прознав об этом, послал к хану своё посольство «...Федора Глебовича да Аминя да Феодора Шубачева къ царю жаловатися». Претензии московского посольства заключались в следующем: «Оже Олгерд съ своею братию царев улусъ, а князя великаго отчину, испустошилъ».

Выступление московского князя нашло отклик у хана Джанибека. Он выдал головами «...Корьяда Михаила и Семена Свислочьского и Аикша киличеевъ князя великого и его дружину Литву»²¹ великому князю Симеону Даниловичу. Как видим из цитаты, князь Кориат назван двойным именем — Кориат-Михаил, без соединительного предлога, в отличие от составлявших его свиту — «и Семен», «и Аикша», «и его дружина». Аналогичное написание присутствует в старейших

белорусских летописях: *«Вытягаша князеи Литовских Михаила Кориада. Семена Свислоцького и Якию и приведени быша на Москву посломь црвым Тотоумь»*²². Это позволило выдающемуся исследователю белорусско-литовского летописания Н.Н. Улашику при переиздании Супрасльської летописи в 1980 году опубликовать фразу в таком виде: *«Вытягаша князеи литовских: Михаила-Кориада, Семена Свислоцького и Якию; и приведени быша на Москву посломь царевым Татуемь»*²³. Никакого мифического «князя Михаила», долженствующего, по предположению А.В. Кузьмина, стать отцом прародителем *«...Боброка Волинского — родственника Рюриковичей Острожских, потомков Даниила Галицкого»*²⁴, в летописях нет.

В следующем, 1349 г., великий князь Ольгерд послал в Москву посольство с целью освобождения брата и его сопровождающих, *«...бити челом за своего брата Корьяда и за бояр и за его дружинну за Литву со многими дары, просящее мира и живота своеи братии»*. Какие условия были выговорены при переговорах, неизвестно, но *«...князь же великы Семень Ивановичь, многое серебро отложивъ и приа любовь и миръ многоъ вземъ отпусти Корьяда и его дружинну Литву въсвояси»*. Вслед за этим в Москву прибыли послы с Волини от другого брата литовского великого князя — князя Любарта, с просьбой отдать за него замуж племянницу — ростовскую княжну Агафью (Ольгу) Константиновну. Сватовство прошло успешно, после чего сам великий князь попросил разрешения на брак с тверской княжной Ульяной²⁵. Судя по всему, и князь Кориат за своё освобождение пообещал породниться с московской династией. Правда, исполнения этого обещания пришлось ждать 7 лет.

Только в 1356 г., после смерти великого князя Симеона, его брат *«...князь велики Иванъ Иванович отдалъ за Корьядова сына в Литву»*²⁶. Из-за описки переписчика летописи из фразы выпало несколько слов. Скорее всего, она выглядела так, как приведена у Татищева: *«Князь великий Иван Иванович отдал дочь свою Любовь в Литву за Дмитриа, Карияндова сына, внука Гедиманова»*²⁷. Можно было бы объявить такое сообщение вымыслом самого Василия Никитича, но выдача дочери великого князя именно за *«Димитрия Карияновича»* подтверждена и самым ярким критиком Татищева — Н.М. Карамзиным²⁸. Видимо, сведения свои они черпали из одного источника,

а именно Никоновского свода середины XVII в.²⁹, только в нем указано имя сына Кориата. Но не исключено, что Карамзин обнаружил такое чтение и в утраченной Троицкой летописи.

Так на страницах исторических источников появляется князь Дмитрий Кориатович-Михайлович. Почему он так долго ждал своей московской невесты? Наверное, из-за возраста. Князь Иван Иванович был женат дважды, первый брак длился меньше года с 1341 по 1342 гг., второй состоялся в 1345 г. В 1349 г., когда князь Кориат «гостил» на Москве, невесте не могло быть больше 7 лет, если она родилась в первом браке, и 3 лет, если во втором. Её брат Дмитрий Иванович, впоследствии Донской, родился 12 октября 1350 г. Скорее всего, она была старше, и на момент женитьбы ей исполнилось 13–14 лет³⁰. Именно женитьба на дочери великого князя Ивана Ивановича Красного дает повод утверждать о тождестве князя Дмитрия Кориатовича с князем Дмитрием Михайловичем Волинским.

Про родство князя Дмитрия Волинского с московской династией сказано в древнейшей родословной книге — Государевом родословце, созданном в 1555 г. Правда, представлено оно несколько по-иному: *«Пришел из Волинские земли к великому князю Дмитрию Ивановичу князь Дмитрей Михайлович, а князь великий дал за него сестру свою княжну Анну»*³¹. В более поздних редакциях подчеркивается, что *«...с нимъ приехали два сына Борисъ да Давыдъ»*, как бы намекая на то, что эти сыновья не имели отношения к великокняжеской семье. А тот сын, который имел отношение, безвременно погиб: *«Князь великий Дмитрей Ивановичь далъ за него сестру свою великую княжну Анну, а от тое былъ у него сын Василей, убился с коня 15 лет»*³². Время прибытия князя на Москву в поздних родословных книгах *«...в лето 6888-го»*³³ указано неверно. В летописях он упомянут уже в *«лето 6879»*. Тогда, в декабре 1371 г., великий князь московский Дмитрий Иванович *«...собравъ воя многы, и посла рать на князя Олга на Рязаньскаго, а воеводу с ними отпусти Дмитриа Михаиловича Волинского»*³⁴. Все эти позднейшие приписки должны были отбить у потомков князя Дмитрия Кориатовича всякую надежду претендовать когда-либо на московский престол. А именно по этой причине он и мог быть приглашен на Москву стараниями митрополита Алексия. Дело в том, что после смерти великого князя Ивана Ивановича 13 ноября 1359 года престол

наследовал его девятилетний сын Дмитрий, которого в Орде всерьёз не восприняли. В результате чего Москва лишилась ярлыка на великое княжение владимирское, следовательно, и доходов великого князя. Кроме того, тогда свирепствовала затяжная эпидемия чумы, и жизнь любого человека висела на волоске. Митрополиту московскому и киевскому Алексию вместе с московским тысяцком Василием (именно они тогда стояли во главе московского княжества) пришлось опекать сразу двух наследников. «Основного» — московского князя Дмитрия Ивановича, и «запасного» — его двоюродного брата серпуховского князя Владимира Андреевича. Оба были очень молоды. На всякий случай могли пригласить и литовского родственника, который к тому времени уже должен был достигнуть дееспособного возраста.

Когда именно Дмитрий Волынский прибыл в Москву, неизвестно. Первое упоминание, как отмечалось ранее, относится к декабрю 1371 года. В нем он уже пишется без княжеского титула, значит, из категории «*служилых князей*» перешел в «*великие бояре*». К тому времени он прочно занял пост главного воеводы московской рати, по терминологии Улуса Джучи, в состав которого входило Великое Княжество Владимирское, — беклярибека. По-видимому, в борьбе за великое княжение с нижегородскими и тверскими князьями он показал себя с лучшей стороны. Но документально его послужной список начинается декабрем 1371 г. — победой под Скорнищево над рязанцами. В следующем, 1372 г., Дмитрий Михайлович первый среди бояр, целовавших крест при заключении мира с великим князем литовским Ольгердом³⁵. Весной 1376 года совместно с нижегородскими князьями он руководит успешным походом на Булгар³⁶. В декабре 1379 г. князь вместе с двоюродным братом, служилым князем Андреем Ольгердовичем, совершает поход на Брянск. Однако наибольшую известность Дмитрий Михайлович Волынский получил благодаря участию в Куликовской битве и её широкому освещению в «Задонщине» и «Сказание о Мамаевом побоище»³⁷.

Последним документально подтвержденным появлением Дмитрия Михайловича на исторической сцене можно считать смерть великого князя Дмитрия Ивановича и свидетельствование его завещания весной 1389 года. Тогда великий князь в присутствии Сергия Радонежского, умирая, сказал своему окружению во главе с Дмитрием

Михайловичем: *«Се ведаю вас известнеиша пач(е) всех ч(е)л(ове)къ, и се предаю вамъ кн(я)гиню свою и дети своя, и будите имъ в тверде разуме в мое место, якож(е) имъ аз самъ былъ»*⁸. Им надлежало исполнить последнюю волю великого князя, согласно которой власть должна была перейти к его вдове: *«Приказываю дети свои своей княгине. А вы, дети мои, живите заодин, а м(а)т(е)ри своее слушайте во всем»*³⁹. Но с этим не хотел мириться молодой наследник Василий Дмитриевич, недавно вернувшейся из Золотой Орды, где он три года учился науке политической борьбы. Не хотела мириться и жена Василия — Софья, дочь князя Витовта Кейстутовича, и всё их окружение. Через недолгое время великий князь Василий Дмитриевич отстранил от кормила власти и свою матушку, и младших братьев, и всех тех, кто мог ему помешать. В числе последних лиц, скорее всего, оказался и Дмитрий Михайлович. О его дальнейшей судьбе ничего не известно. Возможно, он действительно ушел в монастырь. Внуки его служили уже не великому князю, а его брату — удельному князю Юрию Дмитриевичу. Гибель Дмитрия Михайловича в битве на Ворскле 12 августа 1399 г. маловероятна. В перечне погибших, который есть только в списках Никоновской летописи, *«князь Дмитрей Кориадовичъ»* указан предпоследним, в то время как все Гедиминовичи находятся в начале, в том числе и его брат *«князь Левъ Кориадовичъ»*. Кроме того, близкие родственники в перечне писаны рядом, а сыновья Кориата почему-то отдельно и далеко друг от друга⁴⁰. Сразу видна более поздняя вставка. Возможно, она должна была показать, что Дмитрий Михайлович с московской ратью участвовал в сражении, может, даже получил в нем ранение, от которого и скончался впоследствии, но прямых доказательств этому нет.

Совершенно по-другому протекала служба на Москве у братьев Андрея и Дмитрия, сыновей великого князя Ольгерда. *«Ти то бяша в полкъ, на щите рожень, под трубами поють, под шеломы взлелеянь, конец копя вскормлены, с острого меча поены в Литовьской земли»*⁴¹. Такая характеристика братьям была дана недаром. С молодых лет они участвовали в походах, о чем говорят русские летописи и немецкие хроники. 20 июля 1341 г. Андрей Ольгердович вместе с отцом и его войском прибыл во Псков. Псковичи призвали князя Ольгерда защитить их от немцев, тот приехал и, повелев крестить своего сына в православие, оставил его на княжение. Скорее всего, тогда князь Андрей

был ещё молод, и его обязанности по защите Пскова исполнял сперва князь Любко Воинович, погибший при защите Изборска, а потом князя Остафий⁴² и Юрий Витовтович. Но не всегда его отношения с псковичами были мирными. В 1349 г. после гибели князя Юрия Витовтовича господа псковичи заявили: «*Тобе, было княже, на Пскове самому седети, а наместники Пскову не держати; а ныне отрекаем-ся тебе*»⁴³. Князь Андрей, к тому времени ставший полоцким князем, пошел войной на строптивых подданных. «*В лето 6858 (1350) Князь Андреи Олгердович с полочаны от своая оукраины пригнавшие без вестии, и повоеваша неколико Вороначькоя волости; и се первое начи воиноу*»⁴⁴. С этого началась его военная слава

В 1359 г. великий князь Ольгерд «...воевалъ Смол[ь]нескъ, а Мьстиславль взялъ, а Литвою свою въ немъ посадилъ, а на зиме пославъ сына своего Ондreja взялъ Ржевою»⁴⁵. За год до того Ржеву взяли «...Волотьская рать да Можайская... а Литвою выслали вонъ». Князь Андрей восстановил положение. В 1368 г. конфликт Литвы с Москвой разгорелся снова, стороны обменялись ударами: «*Князь Андреи Олгердович[ь] Полотьскийи воевалъ Хорвачь да Родню, а князь Володимерь Андреевичь ходил ратию да взялъ Ржеву, а Литву отпустил из города*»⁴⁶. За набег на тверские пределы литвины заплатили Ржевой. Вслед за тем началась «*Первая Литовщина*», когда, защищая своего зятя Михаила Александровича, великий князь Ольгерд предпринял крупный поход на Москву, в котором участвовали князь Кейстут с сыном Витовтом: «*Тогда бо ещё младу суиу ему, и сынове Ольгердови и вси князи Литовстии и князь Тферьскийи Михаило и Смоленская сила*». Поход завершился 21 ноября 1368 г. разгромом московских ратей на реке Тростне и кратковременной осадой Москвы⁴⁷.

В следующем году князь Андрей и Дмитрий участвовали в неудачном походе отца в Пруссию, где 17 февраля 1370 г. литовское войско потерпело тяжелое поражение у Рудау: «*Тое же зимы Олгерд ходилъ на Немцы и бысть межи ихъ тамо сеча*»⁴⁸. Осенью того же года состоялся второй поход на Москву. «*На Юрьевъ день (26 ноября), прииде в друугые Олгерд Гедиминович князь Литовьскийи, собрав воя многы, въ силе тяжце на великаго князя Дмитрея Ивановича, а съ нимъ братиа его и сынови его и прочии князи Литовстии, и князь великийи Михаило Тферьскийи и князь Смоленскийи Святъславъ съ силою Смоленскою*»⁴⁹.

Князь Кейстут в походе не участвовал. Ему сильнее всех досталось под Рудау: *«Кейстут бежал, не оглядываясь, пока не вернулся в край свой»*⁵⁰. Второй поход не решил спора, и, простояв под Москвой с 6 по 13 декабря 1371 г., литвины ушли.

Третья *«литовщина»* случилась в 1372 г., сразу после Пасхи. Удар был нанесен неожиданно — мало того, что в праздники, но и после зимней свадьбы второго человека в московской княжеской семье, князя Владимира Андреевича на дочери князя Ольгерда Елене⁵¹. Возможно, сам князь Ольгерд был против набега, так как в походе лично не участвовал, но брату и сыновьям не запретил поддержать зятя — тверского князя Михаила Александровича. Тот в свою очередь *«...подвелъ втаю рать Литовьскую на градъ Переяславль, князя Кестутья, Олгердова брата, да князя Андрея Олгердовичя Полотскаго, и иных мнози князи, а съ ними воя многы, и Литва, и Ляхи, и Жемоть, по велице дни на другои недели въ вторникъ на заутрие по Радунице, въ то время, егда об дню поють, и приидоша изгономъ внезапу безъ вести и посадъ около града пожгоша, а града не взяша, а людеи много множество и бояръ въ полонъ поведоша»*⁵². Переяславцев захватили прямо за праздничным столом. Затем настала очередь других, причем досталось и самим тверичам: *«А Литва шедше взяша Кашинъ город и волости и села, и людеи много полониша»*⁵³. При возвращении в Литву князь Кейстут пошел на Торжок, а сыновья Ольгерда полоцкий князь Андрей и друцкий князь Дмитрий *«...мимо Тферъ назадъ иде много зла стъворили»*⁵⁴.

Закончилась война летом под Любутском, где был заключен договор о мире, после чего князь Ольгерд с братом и сыновьями смогли сосредоточиться на тевтонских рыцарях. Князь Андрей обосновался в Полоцке и совершил там несколько подвигов, которые немецкий хронист Герман Вартберг почел достойными внесения в свои анналы. В 1373 году *«...в субботу перед днем Quasimodogeniti (24 апреля) Андрей, полоцкий князь, был со своими людьми перед замком Динабургом, где он захватил нескольких из наших с их лошадьми и увел с собой»,* — печально повествует хронист. В следующем 1374 г. князь Андрей Ольгердович еще более отличился. *«В день св. апостола Матвея (21-го сентября) динабургский командор с 100 из своих людей двинулся сухим путем в Россию. И когда он оставил Двину за собой в двух милях, то между тем, подошли князья полоцкие и одриские (друцкие) с войском*

к замку Динабургу. Захватили весь скот командора и крестьян, пасшийся на лугу перед замком, как-то коров, овец, свиней и лошадей, равно как и одного человека, который объявил князьям об упомянутом отсутствии командора. Вследствие этого, князь Андрей полоцкий с 250 своими лучшими людьми поспешил за ним в погоню. Командор оставил между тем за собой двух соглядатаев, которые лишь только узнали об этом, тотчас же поспешили к командору, находившемуся в пяти милях от Двины на месте, где он думал переночевать, и сообщили ему все. Командор пошел назад по широкой и пространной степи, но по другой дороге. На другой день они невредимо пришли в замок Динабург. В ту же ночь еще до возвращения командора и остальная часть русского войска в страхе отступила от замка. На другой день после этого сюда пришло 50 вооруженных людей из округа Розитена, где они все опустошили и вброд подошли к замку Динабургу. Командор по недостатку лошадей не мог их преследовать»⁵⁵.

В 1375 г. состоялся действительно крупный поход под руководством князя Кейстута, в нем принял участие и князь Андрей. «В том же году, вскоре после возвращения пруссаков, в двинские местности вторглись Кейнстут, король литовский с тремя сыновьями своего брата, короля Альгерда, а также с сыном смоленского князя, далее Андрей, князь полоцкий с своими людьми в пятницу перед днем Estomihi (2 марта). Они разделили свое войско по примеру пруссаков на три отряда, опустошили поместья преосвященного архиепископа рижского и особенно владения Тизенгузена, а именно прежде всего местность Крейцбурга, далее Локиштеен, Барзоне, Эрле, Пепалге, Кессовен до Балтове и увели с собой пленных. Ордену, однако, не смогли нанести никакого вреда по трудности пути и по причине глубокого снега, но они оставались неделю в землях архиепископа, хотя переносили и сами большие потери. Потому что шесть пойманных динабургским командором литовцев объявили, что по трудности пути они потеряли более 100 лошадей и что убито было 50 человек. Также 50 утонуло со всем оружием при замке Герцеке, где делали попытку переплыть реку. Далее лежали убитыми на дороге, вблизи замка Динабурга двое русских — один по имени Андрей, сын одного великого боярина из Витенбеке, который держал себя как король, другой же — великий боярин из Полоцка по имени Радеке, из свиты короля»⁵⁶.

Мероприятие длилось 8 дней. В ответ тевтонцы нанесли удар по Полоцку: *«В пятницу перед Юдикой (6 апреля) розитский фохт с 400 туземцами и новокрещенными был в полоцкой земле, которую они опустошили и увел из неё 86 человек обоего пола и 100 лошадей. В вербное воскресенье (15 апреля) они невредимые возвратились домой». Но и наш герой не остался в долгу: «в субботу после Всех Святых (3-го ноября), князь Андрей полоцкий двинулся со всей своей конницей и ладьями к замку Динабургу. Он сжег все сено командора и поселян, и нисколько его не уцелело, он также увел с собой пятнадцать человек и лошадей поселян. Далее он угнал также убойный скот командора, в котором командор нуждался после целый год»⁵⁷.*

В 1376 г. стороны обменялись взаимными ударами: *«В том же году, во вторник перед Успением Богородицы (12 августа), Динабургский командор и обитатели Розитена и Зельбурга с другими воинскими людьми преосвященного архиепископа рижскаго были перед Новым замком в Литве по ту сторону Динабурга, где они убили 13 человек и 20 лошадей, а также сожгли сено и хлеба вокруг того замка вместе с мостом. Между тем один орденский брат Иоанн Вловер убежал изменником в упомянутый Новый замок. В то же время полоцкий князь был со всем своим войском перед замком Розитеном, в одну ночь он сжег все перед замком, командор же захватил около ста кораблей, на которых тот приплыл по реке, у Новаго замка, разрушил некоторые из них, а другие увел со всем грузом»⁵⁸.*

В 1377 г. князь Кейстут, сосредоточивший во время болезни князя Ольгерда власть в своих руках, организовал новый поход. В походе, скорее всего, участвовал и князь Андрей Ольгердович. *«Накануне вербного воскресенья (21-го марта) король Кейстут со своими сыновьями и сыновьями Альгерда, своими двоюродными братьями, с большим войском, также состоявшим из русских, враждебно вторгся в Курляндию (никто не был предупрежден об этом заранее) и причинил на многие года неисправимый вред в области Гольдингена и в поместьях каноников курляндскаго монастыря опустошением, грабежом и избиением скота и людей. Число убитых и пленных доходило до 700, причем, однако, были также взяты в плен и умерщвлены несколько литовцев. Тогда же был взят в плен один боярин по имени Пексте, тракенский фохт короля литовскаго, гнусный презритель и мучитель плененных христиан»⁵⁹.*

Наверное, от обильного цитирования бесхитростного рассказа капеллана ливонского магистра и можно было воздержаться, но только из него мы узнаем, как на самом деле, без прикрас происходили боевые действия на границе Литвы и Ордена. Какими силами и средствами они велись, что им помогало или мешало. Ведь война на границе Литвы и Москвы от них мало чем отличалась.

В мае 1377 г. умер великий князь Ольгерд⁶⁰. По завещанию верховная власть досталась его любимому сыну от второго брака князю Ягайло. Это решение поддержал и князь Кейстут, но с ним не согласился князь Андрей. В конце концов ему с помощью ливонского магистра удалось закрепиться в Полоцке⁶¹. Случилось это, скорее всего, зимой 1377–1378 гг. Но положение князя Андрея оставалось шатким, и он счел за благо бежать в Псков, затем в Новгород, а оттуда напрямик в Москву. *«На ту же зиму прибежа во Псковъ князь Литовьскыи Ондреи Ольгердович, и целова крестъ ко псковицамъ, и поиха на Москву из Новагорода къ князю к великому къ Дмитрию, князь же прия его»*⁶².

Надо думать, псковичи и новгородцы не желали ссориться с новым литовским великим князем Ягайло и отослали беглого Андрея Ольгердовича к великому князю московскому. Тот тотчас нашел применение столь известному герою. В декабре 1378 г. великий князь Дмитрий Иванович *«...собравъ воя многы, и посла съ ними брата своего князя Володимера Андреевича да князя Андрея Олгердовича Полотьского да князя Дмитрея Михаиловича Волянъскаго и иныя воеводы и велможи и бояре многы и отпусти я месяца декабря въ 9, въ пятокъ, отпусти ихъ ратию на Литовьскыя городы и волости воевати»*. Поход прошел весьма успешно, были взяты города Трубчевск и Стародуб *«...и ины многы страны и волости и села тяжко плениша, и вси наши вои, русстии полци, целы быша, приидоша въ дома своя съ многыми гостями»*. Владелец тех мест брат князя Андрея — князь Дмитрий Ольгердович *«...не стал на бои, ни поднял руки противу князя великаго и не биаси»*. После чего со своей семьей *«...и съ бояры своими и приеха на Москву в рядъ»*, то есть заключать служебный договор. По договору князь Дмитрий получил в держание *«...градъ Переяславль и со всеми его пошлинами»*⁶³.

В сентябре 1380 г. братья князя Ольгердовичи участвовали в битве на Куликовом поле, чем прославили свои имена в русской истории,

превратившись из злых врагов в знаменитых героев. В произведениях, посвященных поворотному в истории Руси событию, им отводится одна из первых ролей⁶⁴. После победы над Мамаем встал вопрос об их возвращении в Литву. Для осуществления этого братья рассчитывали на помощь Москвы. Но сначала предприятию помешал поход хана Токтамыша в 1382 г. Во время осады Москвы погиб, скорее всего, кто-то из сыновей братьев-князей, вошедший в историю как «...князь *Остеи внукъ Ольгердовъ*»⁶⁵. Затем московские политики хотели породниться с князем Ягайлой, и лишь после того, как Ягайло предпочел королеву Ядвигу, корону Польши и переход в католичество, вспомнили о князе Андрее Ольгердовиче. К сожалению, обо всех этих интереснейших событиях мы можем судить лишь по описи документов, составленной в XVII в.: «*Да тут же грамота великого князя Дмитрея Ивановича и великие княини Ульяны Ольгердовы, dokonчанье о женитве великого князя Ягайла Ольгердовича, женитися ему у великого князя Дмитрея Ивановича на дочери, а великому князю Дмитрею Ивановичю дочь свою за него дати, а ему, великому князю Ягаилу, быти в их воле, и креститися в православную веру, и крестьянство свое объявити во все люди. Да тут же грамота dokonчалоная великого князя Дмитрея Ивановича и брата его, князя Володимера Ондреевича, с великим князем Ондреем Ольгердовичем. Да тут же грамота dokonчальная великого князя Ондрея Ольгердовича с великим князем Володимером Ондреевичем, а князь Володимер кончал за брата своего, за князя Дмитрея Ивановича, а которого году, и того ни в одной грамоте не объявилось*»⁶⁶.

Как именно развивались события, мы сказать не можем. Можем только констатировать, что за князем Андреем Ольгердовичем, в Москве признали титул «*великого князя*». Из других исторических источников известно, что 9 октября 1385 г. в Недрице князь Андрей признал свою зависимость от Ливонского Ордена и дал ленную грамоту на полоцкую землю магистру Робину фон Эльтцу⁶⁷. Когда он снова успел обосноваться в Полоцке — неизвестно. В то же время мы знаем, что летом, скорее всего в мае — июне того же года, сын князя Андрея Михаил погиб в битве под Рязанью. Поход на Рязань был довольно крупный. Великий князь Дмитрий, «...*собравъ воя многы, посла съ ними брата своего князя Володимера Ондреевича*»⁶⁸. Возможно, в нем участвовал и князь Андрей Ольгердович, а может быть, только его сын

со своим двором. Утвердившись в Полоцке, князь Андрей заключил договор со смоленским князем Святославом Ивановичем, разорвал отношения с Орденом и начал военные действия против Литвы. Однако закончилось все печально: весной 1387 г. немцы с князем Скиргайло Ольгердовичем захватили Полоцк. Самого князя Андрея надолго посадили в заключение в Щецинский замок в Польше⁶⁹. На Руси считали, что пленили его обманом — *«князя Андрея Ольгердовича князь Скиргайло, брат его, пойма прелестию в Полоцке»*⁷⁰.

Через семь лет, в 1394 г., во Псков *«...князь Андрей Ольгердовичь приеха из Литвы, убежав от братии из нятья»*⁷¹. В Пскове тогда сидел его сын князь Иван Андреевич, он упомянут псковским князем с 1389 г.⁷² Во время его княжения отношения Пскова и Новгорода были враждебными. У Москвы эти отношения тоже не сложились. Они испортились в конце княжения великого князя Дмитрия Ивановича, а после его смерти с вокняжением Василия Дмитриевича и вовсе началась настоящая война. В этой войне и поучаствовал убежавший от братии князь Андрей. 1 августа к городу подошли новгородцы *«...ратью в силе велице, и стояша оу Пскова 8 дней»*. Псковичи выждали удобный момент и произвели вылазку. Враги *«...побегоша прочь ночью посрамлены... и тогда князя коперейского оубиша Ивана, под Олгиною горою, и иных боярь много на Выбуте избиша, а иных изымаше, а порочнаа веретенища, и поуици, чим ся били пометаша»*⁷³. Разгром признали и сами новгородцы: *«Учинился бои в заизде новгородцамъ съ псковщици, и убиша ту князя Ивана Копорейскаго и Василия Федоровича, а иных паде съ обе стороне богъ вестъ; и отъидоша новгородци от города»*⁷⁴, особо отметив, что виноваты в их поражении *«...князь Ондрей Ольгердовичь и сынъ его Иванъ»*⁷⁵. Старый воевода очередной раз показал своё умение.

Князь Андрей Ольгердович и погиб в битве, в несчастном побоище *«...съ царемъ Темер Кутлумемъ на реце на Ворльськле»* 12 августа 1399 г.⁷⁶ Вместе с ним погиб его брат Дмитрий и еще множество литовских, русских и польских князей, бояр и простых ратников. С момента первого упоминания князя Андрея в летописях в 1341 г. по 1399 г., когда он погиб, можно насчитать 58 лет. Если при его крещении ему было лет 12, именно в таком возрасте тогда мальчик становился мужчиной, то погиб он в 70, сражаясь в бою. Довольно солидный возраст для человека, всю жизнь проведшего в седле или в темнице.

Вместе со знатными представителями княжеских семейств на Москву из Литвы попадали и менее знатные люди. К сожалению, о причинах и времени их прибытия известно ещё меньше, в основном из родословных росписей, созданных потомками. Что там правда, что вымысел, определить очень трудно. К примеру, есть родословная Палициных, в ней сказано: «*В лето 6881 году приехал из Литвы к великому князю Дмитрею Ивановичу Донскому Подольские земли воевода пан Иван Микулаевич, прозвище Палица и от того пошли Палицыны. У Ивана Микулаевича у Палицы, один сын Захарей, прозвище Зерзень. У Захарей Ивановича Зерзня, сын Юрья. У Юрьи сын Остафий*»⁷⁷. Сразу бросается в глаза дата, она соответствует 1373 г., но к тому времени Дмитрий Михайлович Волынский уже был на Москве как минимум два года, а скорее всего, и больше. То есть приехать вместе с ним, на что намекают слова «*Подольские земли воевода*», пан Иван Микулаевич не мог. Но вполне мог объявиться после заключения Любутского мира. В синодик Успенского Кремлевского собора «*избиенным на Белеве от безбожного царя Мехмета*» записан Остафий Палицин⁷⁸. То есть правнук пана Ивана погиб в 1437 г., тогда же погибли и внуки Дмитрия Михайловича Волынского. Остафий Юрьевич Палицин оставил после себя четверых сыновей, таким образом, он был уже не молод. Получается, что со времени приезда родоначальника на Москву в 1373 по 1437, за 64 года сменилось четыре поколения этого рода. Надо думать, что пан Иван Микулаевич прибыл к великому князю Дмитрию зрелым мужем, и по возрасту, скорее всего, был старше Дмитрия Боброка.

Непосредственно с событиями зимы 1378–1379 гг. связывают свое появление на Москве представители дворянского рода Нелидовых–Отрепьевых. По их сказке, «*...муж знатен короны Польския*» Владислав с Нилка Кашь-Неледзевский прибыл вместе с князем Дмитрием Ольгердовичем и участвовал вместе с ним в битве на Куликовом поле. После чего перешел служить великому князю Дмитрию Ивановичу, за что получил «*...в поместье*» село Никольское с деревнями в «*Суздальском стане Боровского уезда*». После чего пан Владислав перешел в православие и стал Владимиром⁷⁹. История занятная, но документами не подтвержденная. Мало того, имена людей с фамилией Нелидовы, встречающиеся в сохранившихся документах, не соответствуют именам людей, показанным в родословной. И. Б. Михайлова в своей работе о служивых

людях и вовсе сомневается в «знатном» происхождении Нелидовых⁸⁰. Надо думать, если предки Нелидовых—Отрепьевых и пришли с князем Дмитрием Ольгердовичем, то были они обычными ратниками его двора, оставшимися служить московскому великому князю.

Приезд служилых людей в Москву к концу XIV в. увеличился. Это связано с женитьбой московского наследника князя Василия Дмитриевича на дочери литовского князя Витовта — Софье. При возвращении князя Василия из Орды 19 января 1388 г., откуда он «бежал» через Молдавию, Литву и Пруссию, его сопровождала пышная свита: «А с нимъ князи Ляцьские и панове, и Ляхове и Литва»⁸¹. Невесту, приехавшую зимой 1390—1391 г. напрямиком из Мариенбурга, тоже сопровождали литовцы и ливонцы. Возможно, одним из них был «муж честен» Лев Иванович, что прибыл служить великому князю Василию Дмитриевичу «...из немец из Прусския земли». Правда, в родословце годом прибытия указан 1393 г., но это не столь критично⁸². Льва Ивановича считали своим прародителем многие фамилии — Змеевы, Княжины, Беклемишевы, Орловы. Так это или нет, сказать трудно.

Во время правления великого князя Василия Дмитриевича его отношения с тестем были очень неровные. Князь Витовт, договорившись с двоюродным братом Ягайло, который стал польским королем Владиславом, обрел власть в Литве. Но ему хотелось большего, великий князь Витовт желал подчинить себе всю Восточную Европу. Московский князь Василий, поняв это, попытался сопротивляться, правда, делал это как-то неуверенно и никогда не доводил начатое до логического конца. Возможно, свою роль играла молодая жена, хотя и кроме неё московский княжеский дом связал себя с Литвой множеством родственных нитей.

14 июня 1394 г. сестра великого князя Мария Дмитриевна вышла замуж за брата короля Ягайлы Семена (Лугвеня) Ольгердовича⁸³. 8 октября 1403 г. младший брат великого князя удельный князь можайский Андрей Дмитриевич женился на дочери стародубского князя Александра Патрикеевича Аграфене. Считается, что она приходилась правнучкой князю Наримунту Гедиминовичу⁸⁴. Все эти свадьбы делали московско-литовское соперничество похожим на свару в одной большой семье, когда родственники пытаются прибрать к рукам тот или другой объект общего хозяйства.

В 1406 г., заручившись поддержкой великого князя тверского Ивана Михайловича, великий князь московский Василий «...разверже миръ с великым князем Витовтом». На помощь ему из Литвы приехал «служити князь Александр Нелюб, сынъ княж Ивановъ Олгимонтов, а с ним много Литвы и Ляхов. Князь же великы приемъ его с любовью, дастъ ему град Переславль»⁸⁵. Такой приезд очень удивителен, ведь отец прибывшего — князь Ян (Иван) Гольшанский (Ольшанский) являлся правой рукой великого князя Витовта. По преданию его отец Альгимонт был сыном великого князя Миндовга. Во всяком случае, тевтонцы величали Альгимонта *magnus satrapa*⁸⁶. Именно Ян Альгимонтович сопровождал княгиню Софью из Мариенбурга в Москву и представлял отца — князя Витовта при венчании⁸⁷. С 1396 г. князь Ян Гольшанский стал киевским воеводой. Последнее упоминание его имени в документах относится к 1401 г.⁸⁸ Надо думать, что тогда он умер или тяжело заболел, отойдя от дел. У него осталось четверо сыновей — Андрей, Семен Лютый, Александр Нелюб, Михаил и дочь Ульяна, ставшая в 1417 г. во втором браке женою князя Витовта. Скорее всего, братья не поделили наследство, и Александр подался на Москву в поисках справедливости. Его прозвище — «Нелюб» намекает, что его не очень любили, или он кого-то не любил.

Война 1406 г. свелась к «стоянию на Плаве». «Месяца септевриа въ 7 князь великыи Василей Дмитриевич, собрав вои многы, поиде на Витовта и пришед ста на Плаве. Приде же к нему и изо Орды рать Татарьская от царя Шадибека на помощь, а Витовт со своею силою пришед ста на Пашькове гати и стоявшие немного раззидошися вземше перемирье до того же году»⁸⁹. Так обстояли дела по «официальному» московскому летописанию. Однако отрывки, оставшиеся от тверской летописи, несколько дополняют московские сведения. Разбор этих отрывков сделала Е. Л. Конявская, в своей статье она весьма удачно попыталась восстановить хронологию описанных событий⁹⁰. Согласно этому разбору, стоянию на Плаве предшествовал поход московских войск в литовские пределы. Он отмечен в некоторых летописях кратко: «Собра силу многу и посла воевати земли Литовскыя»⁹¹. А в Тверском Сборнике это свидетельство развернуто: «Настоящу же лету князь же великый Василей собра множество воа, и посла князя своа воеводы на гради Литовскыя, ови ихъ идоша подъ Вязму, а друзии

къ Серпейску, и не дошедшее Серпейска възвратишася въспяеть; а оже подъ Вязмою быша Москвичи, и тако же граду ничтоже успеха, и отъидоша. Тогда же князь Липятыч Иван, воевода Московский, от Литвы убиень бысть. Литва же вступил же глубле въ страну Московскую, градъ Воротынеск взяша и в Козелсте посадиша посадники своя, близъ Можайску воеваша»⁹². Налицо полный провал предпринятых военных действий. Отступление войск и гибель воеводы, подтвержденная кроме летописи и «памятью» в синодике Успенского Кремлевского Собора: «Ивану Константиновичу Липятину и сыну его Семену, убиенымъ от безбожныхъ Литвы»⁹³.

Данные обстоятельства заставили Москву просить о помощи. Эта помощь пришла от хана Шадибека, что отражено в московском известии, и от Твери, о чем пишут тверичи. Великий князь Иван Михайлович «...наряди свою братию, благородного князя Василия, Феодора, и сына своего благородного князя Ивана, и князя Ивана Еремееча и отпусти, вси княз(и) и воеводы. Пръвезшеся Оку подъ Серпуховымъ, и съвѣкупишася вси полци Рустии, и пришед сташа на Плаве; тогда же Татарове приидоша къ Плаве въ помощь Руси на Литву»⁹⁴. Витовт, как уже говорилось, подошел к «...Пашкове гати, и уряди полки своя, и бе между ними река Ока». В этом фрагменте летописец, видимо, что-то перепутал. Река Плава — это левый приток реки Упа в современной Тульской области, от реки Оки её отдаляет довольно большое расстояние. Если противостояние имело место на реке Плаве, то Пашкова гать должна была находиться там и Ока никак не могла разделять враждующие стороны. В то же время в 6 км северо-восточнее Белева, напротив деревни Жабынь в Оку впадает речка Коломенка (Коломня), на которой находилась деревня Пашковская Володинская⁹⁵. Возможно «Пашкову гать» следует искать именно там? Тогда союзники соединились на реке Плаве, а затем подошли к Оке в районе Белева, где закрепился князь Витовт.

9 дней оба воинства простояли друг против друга, после чего 1 октября великий князь Василий заключил с тестем перемирие. Причем союзников своих не известил и поставил перед свершившимся фактом. Естественно, тверичи возмутились такому вероломству: «А княземъ Тверскимъ и воеводамъ тутже бывшимъ, а того не ведущимъ; и не токмо же едино, но и въ грамоте перемирной, не написа честно

имени брата своего великого князя *Ивана Тферскаго*». После чего они ушли: *«И тако гневаючи на нь отъидоша во свояси»*⁹⁶. Татары вида не показали, но на ус намотали.

В следующем году военные действия возобновились. *«Литва повоеваша землю Новосильскую и градъ Одоев попалиша... Литва же глупле вступиша воюючи въ земли Москве, и волости приимаша, и села пограбиша и полона много разведоша»*. Москвичи, немного опомнившись, отбили нападение *«...овех избиша, а иных прогнаша, воеводу же их Миромобочгу руками изымаша»*⁹⁷. После чего сами перешли в наступление: *«На Спасов день князь великий Василии Дмитриевичь, събравъ вои многи, и поиде ратью на Литовскую землю, на Витовта и взя градъ Дмитровецъ и огнем пожже»*⁹⁸. Навстречу зятю выступил князь Витовт. Началось очередное противостояние, теперь возле Вязьмы. *«Близъ бе место межи ихъ полкама, и постоявши мало, и взяша перемирие отъ августа, до Петрова дня»*⁹⁹. Таким образом, перемирие заключили почти на год, до конца июня следующего 1408 г. В этот раз великий князь Василий обошелся своими силами, так как тверской князь решал свои внутренние проблемы, а хан Шадибек догнал в далекой Сибири хана Токтамыша и упокоил его навечно. Брат великого князя, князь Константин Дмитриевич, сидевший во Пскове, совершил удачный поход на немцев и прославился этим. Для Москвы год можно было считать удачным.

Зато следующий год стал поворотным в судьбе великого князя Василия и полностью изменил его судьбу. В Орде беклярибек Эдиге, сын Балтычака, сменил хана. На место *«доброго»* Шадибека старый эмир поставил Пулада. Новый хан разрешил старый спор тверских князей в пользу великого князя Ивана Михайловича, лишив всех надежд московского протеже холмского князя Юрия Всеволодовича. Аналогичная судьба ждала рязанского союзника Москвы — князя Федора Ольговича. Пронский князь Иван Владимирович, получив ярлык от хана Пулада, согнал зятя московского великого князя с Рязани. В тверские дела князь Василий Дмитриевич вмешиваться не решился. Но Рязань казалась уже совсем своей. Коломенская рать отправилась на помощь князю Федору и была разбита 1 июня на реке Смядве. *«Тогда же убиша и Игнатия Семеновичя Жеребцова, воеводу Коломенскаго, и Коломничъ побиха многихъ»*¹⁰⁰. Самое интересное в битве на реке Смедве то, что татары совершенно не помогали пронским ратникам, а с интересом наблюдали с пригорка,

как урусы побивали друг друга. «Проняне же уведаша рать князя Феодора Олговича и Московскую, уже близь сушу, и доспешася ко брани, и урядиши полкы свои; Татарове же отъидоша въ гору и сташи не помагачи Проняномъ, мало же бе Пронянь». Немногочисленность врага ободрила союзников, но не помогла в битве: «Москвичи же изыдоша противу имъ, и снидошася близь Венева, обь ону страну реки Осетра; брани бывша одолеша Проняне, и прьвие убиша Игнатиа Жеребцова на суйме, Ивана Дмитриевича, и людии много посекоша Москвиче(въ) и Резанцевъ, а иния потонуша въ реце (О)це, бежа отъ Татаръ и отъ Пронска»¹⁰¹. Если верить строкам более поздней Никоновской летописи, то разгром имел ещё большие масштабы. Битва на Смедве сыграла такую же роль в истории Московской Руси, как и Зимняя Война с Финляндией в истории СССР. Как заметили некие «старцы», заигрывания с татарами привели к тому, что «Татарове съсмотрятъ наряда земля наша, и всхотятъ сами приити на вы»¹⁰².

Спор с рязанским княжением пришлось решить дипломатическим путем при помощи Орды, возможно, ценой помолвки наследника — княжича Ивана с дочерью пронского князя. Почти одновременно московиты построили новую крепость на западных рубежах. «Повелениемъ великаго князя срублена бысть Ржева, а воевода бе князь Юрьи Козелский, да Юрьи Васильевичъ»¹⁰³. Наверняка такой активности способствовал приход к великому князю Василию Дмитриевичу большой группы русско-литовской знати во главе с неугомонным князем Свидригаило Ольгердовичем, который оспаривал власть над Литвой у своего двоюродного брата Витовта Кейстутовича. «А въ тоже время прислася великый князь Светригаило Олгердовечъ на Москву къ великому князю Василию Дмитриевичю, хотя съ нимъ съ одного на Витовта. Светригаило же Ляхъ бе верою, но устроенъ к брани мужъ храбр, доблесый на ополчение»¹⁰⁴. Именно ратный талант литовского князя был необходим великому князю Василию, его умение руководить полками. Ну и, конечно, приведенные им люди, коих набралось немало. «Владыка Дъбрянский Исакие, да с ним же князь Патрекеи Звенигородцкии и князь Александръ Звенигородцкии съ Путивля, князь Феодоръ Александровичъ, князь Семень Перемышльский, князь Михаило Хотетовский, князь Уруста Меньски, и бояре Черниговские и Дъбрянские, и Стародубские и Любутские и Рославские»¹⁰⁵.

Вероятно, все князья, прибывшие с князем Свидригайло, принадлежали к черниговской ветви Рюриковичей, имевших уделы в Верховских княжествах. Даже князь Патрикей, которого часто отождествляют с сыном Наримунта Гедиминовича. В Любецком синодике князь Патрикей указан с отчеством Давидович, упомянута его жена Елена и сын Иван¹⁰⁶. А у сына Наримунта (Глеба Гедиминовича), князя Патрикеева по родословным книгам было три сына — Юрий, Федор и Александр¹⁰⁷.

Впрочем, споры о принадлежности лиц, прибежавших с князем Свидригайло, к тому или иному роду, ведутся по сегодняшний день, но к единому мнению исследователи прийти не могут. Можно ещё отметить, что позднее в родословных легендах только два дворянских рода, Бунаковы и Владычкины, связали свое прибытие на Москву с этим событием¹⁰⁸. Для содержания столь большой группы славных ратоборцев, великому князю Василию Дмитриевичу пришлось поступиться значительной частью своих доходов: *«Князь же великий Василии Дмитриевичъ приятъ его съ честию и дастъ ему градъ Володимерь съ всеми волостьми и съ пошлинами, и с сель, и съ хлебы; также и Пряславль по тому же, и Юрьевъ Полский, и Волокъ Ламский, и Ржеву, и половину Коломны»*¹⁰⁹.

Поступок великого князя вызвал бурю негодования в среде старомосковской знати: *«Сего же старици не похвалиша, глаголющее: может ли се добро быти, его же во дни наши несть было...»*¹¹⁰. Но Василий Дмитриевич мог себе такое позволить — дани в Орду он не платил тринадцать лет, отписываясь: *«Ся улоу съ истомилъ, выхода взятии не на чем»*. А деньги, что собирал *«...с всякого улуса с двою сохъ рубль»*¹¹¹, спокойно тратил на войну с тестем.

Восполнив потери, понесённые на Смедве, за счет литовских выходцев, великий князь Василий обратился за помощью и к старым союзникам. В первую очередь, к эмиру Эдигу, который *«...многу любовь злохитръну къ Василиеву стяжа и честию високою обложи его и дары многими почиташа и надо всеми еще сими и сына его себе именоваша его любимаго»*¹¹². Татары прибыли незамедлительно, а вот великий князь тверской Иван отказался от участия в походе. Князь Василий *«...присла к своему брату, князю великому Ивану о помочи, и не да ему»*. Отказ тверской князь аргументировал неподобающим

поведением Москвы двумя годами ранее: «*Крестное целование измени князь, тии же ны бе миръ взяша на Плаве*»¹¹³, обиженные тверичи «...*оттоле не въсхоте помагати Москвичемъ*»¹¹⁴. Очередное противостояние тестя и зятя случилось на реке Угре и продолжалось 12 дней. После чего 14 сентября произошло новое замирение. Условия мира доподлинно не известны, но ими остались недовольны как татары, так и сторонники князя Свидригайла. По некоторым данным, великий князь Василий Дмитриевич в очередной раз полностью сменил политическую ориентацию. Он пообещал тестю выдать его соперника, князя Свидригайло Ольгердовича и принять у себя сыновей покойного хана Токтамыша — Джелал-ад-дина и Керим-Берди. Последним шагом он нанес несказанную обиду своему «*названному отцу*» эмиру Эдигу. Татары, «...*иже которые помагали князю великому*», лишённые обещанной добычи, «*видя плошество Рускихъ князей*», захватили Брянск.

Чем князь Витовт сумел уместить в этот раз своего зятя, как уже отмечалось, неизвестно. Надо думать, обещание было поистине королевским, скорее всего, старый интриган, не имевший наследников мужского пола, согласился передать власть дочери, жене великого князя Василия Софье, или их сыну Ивану Васильевичу. Князю Ивану к тому времени должно было исполниться 12 лет, и он вполне мог стать наследником деда. Во всяком случае, свои права на власть в Литве великая княгиня Софья заявляла. Это произошло в 1413 г., во время процесса с Тевтонским Орденом¹¹⁵. Впоследствии свои кандидатуры на польско-литовский престол предлагали её правнук — великий князь Василий Иванович, его сын — первый московский царь Иван Васильевич Грозный, и последний из потомков Калиты — Федор Иванович.

Так или иначе, но расплачиваться за политические выкрутасы великого князя Василия пришлось всему Великому Княжеству Владимирскому. Беклярбек Эдигу «...*повелением Булата царя прииде ратью на Русскую землю, а с ним 4 цесаревичи да мнози князи Татарстии*»¹¹⁶. Скорее всего, основную часть ордынского войска составляли те воины, что участвовали в «стоянии на Угре». Захватив Брянск, они подождали беклярбека с пополнением и уже 1 декабря 1408 г. подошли к Москве. Противостоять набегу оказалось некому, так как московские полки распустили по домам после заключения мира с Витовтом. Татар в последние годы перестали воспринимать как серьёзную опасность,

о чем сетовал сам Эдигу: *«Царевых послов на смех подымаете, а торговцовъ тако же на смех подымаете, да велика имъ истома чинится оу тебе»*¹¹⁷. Соответственно, и враждебных действий с их стороны никто не ожидал. Великий князь Василий, с семейством благоразумно бежал в Кострому, оставив стольный град на попечение двоюродного дяди князя Владимира Андреевича, братьев князей Андрея и Петра Дмитриевичей и бояр во главе со своим фаворитом — князем Юрием Козельским¹¹⁸. Вдогонку за «названным сыном» эмир Эдигу послал *«...избранные рати 30 тысящъ, и те гнавшееся по нем, не постигоше его»*¹¹⁹. Надо думать, что тридцать тысяч всадников с заводными конями изрядно мешали друг другу во время преследования на узкой зимней дороге. Правда, в некоторых летописях численность погони указана намного ниже: *«А за великим князем посылал царевича Тегрибердея, да сына своего Якишбея, да князя Сентилибия, с 1000-ю избранныи рати»*¹²⁰.

На штурм Москвы татары не решились, но принялись разорять другие города и волости: *«Инии поидоша къ Серпухову, городъ взяша, а инии къ Можайску, а инии къ Звенигороду, а инии къ Дмитрову, все то повоеваша, старыя изсекоша, а молодиа в пленъ поведоша; а инии идоша к Переяславлю, Переяславци побегоша..., а инии поидоша къ Ростову, князь Ростовъский, епископъ и люди Ростовци побегоша, они же окаании, градъ сожгоша... А инии царевичъ прииде къ Новугороду къ Нижнему, а съ ним мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва, взяша Новградъ Нижний и пожгоша весь»*. Разорению подверглись и остальные части нижегородского княжества — Городец, Белогородье, Курмыш, Сура, Березово Поле¹²¹. Сам эмир Эдигу простояв под Москвой 20 дней и, получив *«окупъ 3000 рублевъ»*, ушел, предварительно разорив окрестности. Сопrotивления не оказал никто, мало того, литвины во главе со Свидригайло бежали без боя, по дороге разграбив ещё раз Серпухов. Ставка на *«литовскихъ выходцевъ»* не оправдалась.

Хотя существует и другая версия событий. Согласно ей, когда *«...пришед Едигеи у Москвы стояша, хотя и зимовать тутю»*, до эмира дошел слух о нестроениях в самой Орде, что *«некие царевич в то время усмотривъ себе время получно... прииде напрасно изгоном в Орду»*¹²². То есть неизвестный претендент из Чингизидов неожиданно атаковал ставку хана Пулада. Свергнуть хана ему не удалось, но переполох

приключился знатный. Хан потребовал немедленного возвращения беклярбека и всего воинства, это и спасло Москву от неминуемого падения. По предположению М. Г. Сафаргалиева, «неким царевичем» был сын Токтамышша Джелал-ад-дин¹²³. Тот самый, который, по словам эмира Эдигу, пребывал в московских пределах по просьбе князя Витовта. Таким образом, царевича Джелал-ад-дина с его нукерами тоже можно считать пришедшим из Литвы наемником. Но и он долго не задержался в Москве — уже в 1410 г. Джелал-ад-Дин со своими татарами бился на стороне князя Витовта под Грюнвальдом.

Главным негативным моментом похода эмира Эдигу на Москву стало восстановление нижегородского княжества. Ярлык на него получил сын князя Бориса Константиновича — князь Даниил¹²⁴. Обосновавшись в Нижнем Новгороде, князь Даниил Борисович начал проводить довольно агрессивную политику в отношении Москвы. Летом 1410 г. он «...приведе к себе царевича Талычу и посла с ним изгоном къ Володимерю боярина своего Семена Карамышова, а с ними полтораста Татар, а Руси полтараста же»¹²⁵. Эти 300 человек 3 июля легко захватили, разграбили и сожгли официальную столицу Великого Княжества — город Владимир. В ответ великий князь Василий Дмитриевич организовал крупный поход с привлечением союзников — князей ростовских, ярославских и суздальских. Во главе воинства выступил брат великого князя, удельный князь дмитровский Петр Дмитриевич. В конце 1410 г. по зимнему пути союзное войско двинулось к Нижнему Новгороду. Князь Даниил Борисович с братом Иваном, имевшим интересное прозвище — Тугой Лук, благоразумно сдали столичный град и стали отступать на восток вдоль Волги. В 90 километрах от Нижнего Новгорода у местечка Лысково, где в Волгу впадает речка Сундовик, произошло сражение. «Тоя же зимы, месяца генваря 15 день, бысть бои на Лискове князю Петру Дмитриевичу, и княземъ Ростовскимъ, и Ярославскимъ, и Суздальскимъ съ княземъ Даниломъ Борисовичемъ, и съ его братомъ княземъ Иваномъ, и з Болгарьскими князми, и съ Жукотынскими и Мордовскими; бысть между ими сеча зла, и ту убиень бысть князь Суздальский Данило Василиевичь, и мнози падоша ото обоа страны»¹²⁶. Если верить сводчику Тверского сборника, то исход битвы можно считать ничейным. Однако в более раннем списке победа отдана нижегородцам: «Сташа же на костехъ князи Новгородьскыи»¹²⁷.

Сражение на Лыскове удостоилось упоминания в синодике Успенского Кремлевского Собора: «*Князю Глебу Друцкому и Борису Михайловичу, и всей дружине ихъ избиенымъ на Лыскове, вечная память!*»¹²⁸. Перед большим боярином Борисом Михайловичем Крюком-Фоминским, занимавшем в списке бояр при великом князе Василии Дмитриевиче пятое место¹²⁹, в синодике указан некий Глеб Друцкий с княжеским титулом. Он, несомненно, прибыл из Литвы. А. В. Кузьмин пытается отождествить его с сыном князя Василия Михайловича Друцкого, и ввести в ближний круг людей князя Андрея Ольгердовича, определяя его прибытие на Москву 1377 г.¹³⁰ Главным доказательством служит упоминание князя Глеба Друцкого в Летописной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». Но даже если это так, хотя со времен Куликовской битвы до боя при Лыскове прошло 30 лет, следует отметить, что князь Глеб Друцкий в «Сказании» упоминался при уряжении полков в Коломне, то есть до объединения с войсками братьев Ольгердовичей. Следовательно, о какой-то близости с князем Андреем Ольгердовичем говорить не приходится. Он назван среди воевод самого великого князя Дмитрия Ивановича и должен был служить великому князю.

Окончательно вопрос с Нижним Новгородом решился позже, когда в Орде началась очередная чехарда ханов. На этот раз войско возглавил лучший московский воевода — князь Юрий Дмитриевич. Наместили поход на зиму 1414–1415 гг., «...и съжилися все рати на Кострому». Вместе с князем Юрием в поход шли князья серпуховского дома «...Андрей да Василей Володимеровичи, да князи Ярославские, да князи Ростовские, да Костромская сила». Войско выступило из Костромы вниз по Волге 11 января 1415 г. Суздальские князья Даниил Борисович, его брат Иван, князь Иван Васильевич и князь Василий Семенович «побегоша за Суру», надеясь повторить Лысковский маневр. «А бояре Новгородские и чръные люди вышли съ кресты противу князю Юрию и всехъ князей, а князь же Юрий не сътвори зла ничтоже Новугороду». По занятии города Юрий начал преследовать нижегородских князей «и гонишася по нихъ до Суры, и не сугониша ихъ». Лезть в засурские леса князь Юрий Дмитриевич не стал. От реки воинство повернуло обратно. В Нижнем Новгороде князь Юрий распустил рать. Сам с московскими полками пошел «...въ верхъ по Оце, а князи Ярославские и Костромская сила въ верхъ по Волзе, и разыидошася каждо въ своаси»¹³¹.

На княжеский престол Нижнего Новгорода был посажен сын великого князя Василия Дмитриевича — князь Иван.

Вторая половина правления великого князя Василия Дмитриевича протекала под неусыпным наблюдением его тестя. Внешняя политика Великого Княжества Московского шла в фарватере внешней политики Великого Княжества Литовского. Чем это вызвано, сказать точно нельзя, но, по-видимому, сказалось и нашествие татар, и борьба боярских группировок в его окружении. Поговаривали и о неподобающем поведении великой княгини: «*Добрый нрав име отцов, не сыта бе блуда*»¹³². Но это могли быть и сплетни завистников¹³³. Между тем, надо думать, основной причиной стала смерть князя Ивана Васильевича, случившаяся в июле 1417 г. Если до неё великий князь Василий ещё сопротивлялся притязаниям тестя, как в случае с попыткой разделения митрополии, то после таких попыток уже не было. Великий князь полностью положился на тестя и объявил именно его опекуном своей вдовы и малолетнего сына: «*Приказываю своего с(ы)на, князя Василья, и свою княгиню и свои дети, своему брату и тистю, великому князю Витовту*»¹³⁴. После чего скончался 27 февраля 1425 г.

За это время значительно изменился состав элиты Великого Княжества Московского, что особенно заметно при сличении послухов на завещаниях великого князя Василия Дмитриевича. Из свидетелей, которые заверили первое завещание, датированное концом февраля — началом июня 1407 г., и два следующих, составленных и заверенных одно между 7 октября 1422 и мартом 1423, другое между 20 января 1424 и 27 февраля 1425 гг.¹³⁵, совпадает только одно имя — Федор Иванович. Это знаменитый Федор Иванович Кошка, которого великому князю советовал опасаться ещё эмир Эдигу. Второе одинаковое во всех завещаниях имя — Иван Дмитриевич — принадлежит, судя по всему, разным людям. В первом случае Ивану Дмитриевичу Зернову, в двух других — Ивану Дмитриевичу Всеволожу. Иван Дмитриевич Зернов погиб на Смедве, и его место, начиная с осады Москвы в 1408 г., прочно занял Иван Дмитриевич Всеволож, который, судя по всему, тоже относился к «*литовским выходцам*», так как происходил из рода смоленских князей. По выкладкам С. Б. Веселовского, Иван Дмитриевич родился около 1370 г. В конце века он женился на дочери погибшего на Куликовом Поле окольничего Микулы Васильевича Вельяминова.

Через этот брак Всеволожский вошел в свойство с великокняжеской семьёй. По некоторым данным, в 1411 г. он выдал свою дочь Елену за князя Андрея Владимировича Радонежского из серпуховского княжьего дома¹³⁶. С 1415 г., находясь в Москве, Всеволожский начал писать грамоты от имени великого князя¹³⁷, по-видимому, став московским наместником. Осенью 1421 г. выдал другую дочь за князя Юрия Ивановича Тверского¹³⁸. В начале 20-х годов боярин Иван Дмитриевич достиг огромных высот: кроме свойства с московским великокняжеским домом, он стал тестем удельного князя из серпуховского дома и возможного наследника великого княжества тверского.

Но и Ивана Дмитриевича Всеволожа сумел обойти настоящий литвин, Гедеминович — князь Юрий Патрикеевич. Князь Юрий был средним сыном внука литовского князя Гедимина князя Патрикеея Наримунтовича. Год рождения князя Юрия Патрикеевича неизвестен, как и время его прихода на московскую службу. Обычно приход связывают с событиями 1408 г. Однако в летописном известии упомянут, может быть, только отец — князь Патрикей и, возможно, младший брат, князь Александр. Ни о старшем — князе Федоре, ни о среднем — князе Юрии в летописях не сказано. Но и это только в том случае, если звенигородские князья не черниговские Рюриковичи. Как известно, той же зимой во время «Едигеева прихода» князь Свидригайло ушел обратно Литву, вероятно, со всеми своими людьми. Служб самого князя Патрикеея после 1408 г. на Москве не зафиксировано, а от князя Александра Патрикеевича в Литве пошла фамилия Корецких¹³⁹. Маловероятно, что князья Федор и Юрий объявились на Москве в 1408 г.

Из родословцев, в частности, попавших в летописи, известно, что «...какъ князь Юрьи Патрекеевичъ приехалъ, а захалъ бояръ Костянтина Шею, да Ивана Дмитреевича, Володимера Даниловичя, Дмитрея Васильевичя, Феодора Кошкина Голтяя»; «князь Юрьева Патрекеевичя княгини Анна сидела выше Настасьи Васильевы Михайловича тысяцкого, а подъ Настасию сидела Анна Ивановна Морозова, а подъ Анною сидела Мария Микулина Васильевичя, а подъ Марьею Огрофена Иванова Хромого, а подъ Огрэфеною Марья Полуехтова, а под Марьею Ульяна Собакина»¹⁴⁰. Высокое место супругов объяснимо, они оба происходили из великокняжеских родов: «Шестьи Гедиманов сынъ Наримонтъ, Наримонтов сынъ Патракии,

*Патракиев сынъ Юрьи. За него ж князь великий Василей Васильевич дал сестру свою Анну»*¹⁴¹.

Таким образом, князь Юрий занял самое высокое место благодаря женитьбе на дочери великого князя. Это подтверждает и родословец из Воскресенской летописи: «А у Нариманта сынъ был князь Патрикей, а у Патрикея были три сыны: князь Феодоръ, а отъ того пошли Хованьские; да князь Юрьи, а была за ним дочь великого князя Васильева, да князь Олександръ Коретицкой»¹⁴². На основании данной записи А. В. Экземплярский называет эту дочь Марией, т.к. только такое имя встречается в родословцах¹⁴³. По-видимому, на него повлияли строки из Н. М. Карамзина. Отец русской исторической науки в своих «Выписках из летописей о Васильевом княжении» отмечает: «В лето 6926 (1418)... Преставился Князь Александр Иванович Брюхатый Суждальский, зять Великого Князя. Князь же Великий дастъ дочь свою Василису за другова мужа, за Князя Александра Взметня Даниловича Суждальского и Нижегородского; а другую дочь свою Марию Князь Вел. дастъ за Кн. Юрья Патрикеевича Наримантовича»¹⁴⁴. К сожалению, Карамзин не уточнил, откуда именно эта статья. Последние исследования С. Н. Келембет показывают, что почтенный историк взял её из какой-то родословной книги и внес тем самым сильную путаницу. Князь Александр Взметень оказался не Даниловичем, а Ивановичем, сыном князя Ивана Борисовича Тугой Лук, и не вторым, а первым мужем княгини Василисы Васильевны. Сама свадьба состоялась 5 февраля 1419 г.¹⁴⁵

С некоторой долей предположения можно принять, что и свадьба князя Юрия Патрикеевича состоялась в 1418 или 1419 г. Благодаря родословцам до нас дошли интересные подробности свадьбы. «А князю Юрию Патрикеевичу князь великий место упросил у бояр, коли за него дал сестру свою великую княжну Анну. А брат был большой у князя Юрья Патрикеевича — Хованский, и Федор Сабур на свадьбе князь Юрьево Патрикеевича брата большего после Хованского. И Хованский молвил Сабуру: «Посяди брата моего меньшего князя Юрья Патрикеевича». И Федор Сабур молвил Хованскому: «У того бог в кике, а у тебя бога в кике нет»; да сел Хованского выше»¹⁴⁶. Данный анекдот не только характеризует отношение старого московского боярства к пришлым литовским выскочкам, но и ещё раз подтверждает имя жены князя Юрия Патрикеевича — Анна.

Если бы не авторитет Н.М. Карамзина, укрепившийся с годами, то можно было бы поставить точку. Но его слова о том, что «...другую дочь свою Марию Князь Вел. даст за Кн. Юрья» уже много лет вносят путаницу. Дело в том, что у великого князя Василия Дмитриевича, действительно было несколько дочерей: Анна родилась в 1400 г. и выдана замуж за Иоанна Палеолога в 1411 г., Анастасия (год ее рождения неизвестен) в августе 1417 г. выдана замуж за князя Александра (Олелько) Владимировича, Василиса (год рождения тоже неизвестен, но не ранее 1402 г.) — про неё и писал Карамзин. Но, по сохранившимся известиям, княжна Василиса первый раз вышла замуж за князя Александра Ивановича Суздальского только 5 февраля 1419 г. — «В лето 6926... в неделю о фарисеи»¹⁴⁷. Последняя дочь великого князя Василия Дмитриевича — Мария, её Карамзин и Экземплярский «женили» на князе Юрии Патрикеевиче. Мария была старше князя Василия Васильевича, т.е. родилась ранее весны 1414 г. Между Василисой и Марией был ещё умерший в младенчестве Семен. Таким образом, возможная дата рождения Марии не ранее 1406 г. В принципе, Мария подходит по возрасту. Однако следует заметить, что в большинстве родословцев «князь великий Василий» отдал замуж за князя Юрия Патрикеевича «сестру свою Анну». А женитьба приходится на время княжения великого князя Василия Дмитриевича. У его отца, великого князя Дмитрия Ивановича, кроме многих сыновей были и дочери, самая младшая — княжна Анна Дмитриевна. Она родилась 8 января 1388 г.¹⁴⁸ Если принять дату свадьбы, приведенную Карамзиным с поправкой на мартовский стиль, то в феврале 1419 ей должен был быть 31 год. Возраст далеко не юный, но и плата за поздний брак весьма высока — первенство в боярской думе и сохранение княжьего титула. Надо думать, Василий Дмитриевич очень любил младшую сестру, если ради её семейного счастья упрасивал бояр. Этот вариант наиболее приемлем. Иначе, как некоторые и делают, не мудрствуя лукаво, придется писать в жены потомку Гедимины сразу двух княжон московского дома: тетю — Анну Дмитриевну и племянницу — Марию Васильевну¹⁴⁹.

Теперь попробуем уточнить дату свадьбы. Допустим, княжна Василиса в феврале 1419 г. вышла замуж за князя Александра Ивановича Взметня. В то же время, т.е. в 1419 году женились и князь Юрий Патрикеевич с княжной Анной Дмитриевной. Брак тоже больше

политический — княгине Софье требовалась поддержка «литовской партии» в борьбе со старым московским боярством. Проверим предположение по другим документам. Имя князя Юрия Патрикеевича стоит во «второй» и «третьей» духовных великого князя Василия Дмитриевича, их можно датировать 20-ми гг. XV в. В актовых и летописных материалах оно тоже встречается не ранее конца 20 — начала 30-х гг. XV в.¹⁵⁰

Раньше князя Юрия в летописях отмечился его старший брат князь Федор Патрикеевич. Он в 1421 г. назначен наместником великого князя в Новгороде¹⁵¹. По-видимому, назначение состоялось благодаря женитьбе брата. В 1424 г. князь Федор по просьбе псковичей был послан княжить в Пскове. Прибыл туда *«иоуня 11, и приаша его честно»*. В следующем году в городе начался мор. *«А князь Федоса Патрикеевич того мору оубоявся, поеха изо Пскова со всею челядью своею на Москву, августа в 22, а был во Пскове год и 2 месяца; обаче и тамо смерти не оубежа: не по мнозе времени оумре на Москве»*¹⁵². Данное известие подтверждает факт заключения брака на время княжения великого князя Василия Дмитриевича, так как князь Федор присутствовал на свадьбе брата и имел стычку с боярином Федором Сабуром, описанную выше.

Князь Юрий Патрикеевич хоть и занимал ведущее место, и считался первым московским воеводою, особых воинских талантов не проявил. А именно они и понадобились великой княгине Софье Витовне после смерти её отца, случившейся 27 октября 1430 г. Пять лет великий князь Витовт помогал своей дочери и внуку, велел хану Улуг-Мухаммеду выдать ярлык на великое княжество Василию Васильевичу в обход завещания великого князя Дмитрия Ивановича Донского, приструнил недовольного этим князя Юрия Дмитриевича, возмнившего себя московским князем, и несколько раз принимал дочь и внука у себя, намекая двору о возможном наследнике. Но всё пошло прахом после его смерти. В Восточной Европе разразились одновременно три гражданских войны: в Литве между Свидригайло Ольгердовичем и Сигизмундом Кейстутовичем, на Владимирской Руси между Василием Васильевичем и его дядей Юрием Дмитриевичем, в Орде между Улуг (Большим) и Кичи (Маленьким) Мухаммедами и появившимся невесть откуда Сеид-Ахметом. Вся Восточная Европа воевала, потерпевшие

поражение бежали в соседние земли, где ввязывались в чужую распрю, зачастую не понимая, за что они бьются.

Но вернемся к московскому воеводе Юрию Патрикеевичу. Летописцы приписывают ему только одно поражение в той войне — 28 сентября 1433 г.¹⁵³ на реке Кусь, которая течет восточнее Костромы, несколько южнее Галича. Тогда восемнадцатилетний великий князь Василий Васильевич в очередной раз замирился со своим дядей, князем Юрием Дмитриевичем. Однако сыновья последнего — князья Василий и Дмитрий Шемяка — не признали мира и продолжили борьбу. Против них великий князь и *«...посла воеводу своего князя Юрья Патрикеевича, а с ним дворъ свои, многие люди, на Кострому на Юрьевичев, а с ними беша Вятчане и Галичане. И сташа на бои на реке на Кусе и рать великого князя побиша, а князя Юрья поймали, и придоша опять на Кострому»*¹⁵⁴. Но надо думать, что и предыдущее поражение, первое в этой междоусобице, не обошлось без его участия. Так что следует рассказать и о нём.

Война тлела с 1425 г., но вспыхнула после того, как 8 февраля 1433 г. на свадьбе великого князя Василия Васильевича мать жениха прилюдно сняла с князя Василия Юрьевича золотой пояс, который тот получил в приданое за своей женой — дочерью радонежского князя Андрея Владимировича с одной стороны и внучкой боярина Ивана Дмитриевича Всевожга с другой. Великая княгиня заявила, что пояс был подменен еще более 50 лет назад при женитьбах князя Дмитрия Донского и сына последнего московского тысяцкого Микулы на сестрах — дочерях нижегородского князя Дмитрия Константиновича, и должен принадлежать великому князю. Этот семейный скандал и послужил поводом для первой русской смуты. Раздосадованные сыновья князя Юрия, который на свадьбу явиться не пожелал, бросились жаловаться отцу в Галич, и уже в апреле к Москве подходило войско князя Юрия и его сыновей. *«Князь же великъ, что было тогда около его людей, собра тех, да и Москвич гостей и прочих поемъ с собою, поиде противу»*. Как видим, основу войска князя Василия составлял московский люд, а командовать им должен был московский наместник, коим тогда выступал князь Юрий Патрикеевич. Сражение произошло на реке Клязьме, в 20 верстах от Москвы. *«С княземъ же Юрьемъ множество вои, а у великого князя добре мало, но одинако сразишася с ними,*

а от Москвич не бысть никоеа помощи, мнози бо от них пьяни бяху, а и с собою мед везаху, что питии ещѣ»¹⁵⁵. Бой произошел 25 апреля, после поражения великокняжеское семейство и ближайшее окружение бежало в Тверь. Ну а московские жители, лишившиеся наместника-воеводы, стали допивать свой мед, восславляя нового великого князя Юрия Дмитриевича.

Несмотря на ратные неудачи князя Юрия Патрикеевича, он продолжал исполнять важные государственные задачи. Зимой 1436–1437 гг. князь Юрий выбивал дань — *«черный бор»* с Новгорода. *«Прииха в Новгород с Москве, от князя великаго Василья Васильевича, князь Юрьи Патрикеевич чорного бору прошати»¹⁵⁶. Дело было, действительно, тяжелое, сопоставимое по опасности с военным походом. Князь Юрий с ним успешно справился, «...и Новгородци даша князю великому Василью Васильевичю черныи боръ; и тои весны поеха из Новаграда на Москву Юрьи Патракуевичь»¹⁵⁷.*

Последней ратной службой потомка Гедимины следует считать оборону Москвы под его руководством, случившуюся летом 1439 г. В тот год *«...месяца июля въ 3 в пяток прииде к Москве царь Махмут со многими силами»*. Великий князь, как уже повелось, *«не поспе събратися»* и *«видѣ мало своих и возвратився иде за Волгу»*. Для защиты стольного града *«на Москве остави воеводу своего князя Юрья Патрекеевича»*. Татары простояли под Москвой 10 дней, сожгли посад и разорили окрестности. После чего хан *«поиде прочь, граду не успевь ничто же, а зла много учинив земли Русскои»¹⁵⁸.*

В 1445 г. при возвращении великого князя из плена в Москву после Суздальского побоища летопись отмечает: *«Ноября въ 17 день ста на дворе матери своя за городом на Ваганкове, а потом, оттоля соиде въ градъ на дворъ князь Юрьев Патрекеевича»¹⁵⁹*. Не совсем ясно, был ли тогда ещё жив князь Юрий. Но, судя по построению фразы, где сперва упоминается двор великой княгини Софьи на Ваганькове, раз матушка князя Василия тогда была жива, то и хозяин московского пристанища тоже должен был быть во здравии. Так или иначе, но ему на смену уже подрастал сын — князь Иван Юрьевич, который впоследствии стал выдающимся воеводой. Первый свой ратный подвиг он совершил в 1454 г., отбив татарский набег на реке Оке *«ниже Коломны»¹⁶⁰*.

Этот бой примечателен ещё и тем, что там погиб сын другого литовского выходца князя Ивана Бабы — Семен Бабич, «...а не на суме, но притчею некоею»¹⁶¹. Что за «притча» приключилась, летописец не уточняет, как и ранее летописцы молчали о смерти или гибели его отца. Иван Семенович Баба Друцкий принадлежал к весьма многочисленному роду Друцких князей, с некоторыми представителями которого мы уже сталкивались. Кроме большого числа кузенов у него было ещё пять братьев. Женат он был на дочери князя Андрея Шутихи Тарусского-Мезецкого. Год его рождения неизвестен, но уже в 1409 г. князь Иван был наместником князя Витовта в Полоцке. Имел свой герб со знаком в виде стрелы, по обе стороны которой — по паре полумесяцев, образующих кольца. Герб отличался как от литовской, так и от польской традиции. Был в числе гарантов «вечного мира» Польши и Великого княжества Литовского с Тевтонским Орденом в 1422 г. Участвовал в заключении договоров князя Свидригайла с Орденом в 1431 и 1432 гг., перемирия с Польшей в 1431 г. В марте 1433 г. он подписал послание сторонников князя Свидригайла Базельскому собору¹⁶². Князь Иван участвовал во многих военных походах, из которых следует особо отметить поход 1424 г. против хана Худайдада, сына Алия, третьего сына Джансы¹⁶³.

Хан Худайдат был одним из шести претендентов, боровшихся тогда за престол Орды. Осенью 1424 г. он решил немного пожить в Одоевском княжестве, князь которого, Юрий Романович, «*herczog von Odoiow ist des grosfurstes von Moskouwen man*»¹⁶⁴, считался «человеком Великого Князя Московского». На помощь Одоеву князь Витовт послал «...кн(я)зя Ондреа Михайловича и кн(я)зя Ондреа Всеволодича, и кн(я)зя Ивана Бабу, и брата его Путятю и дрютских кн(я)зей семдесят, и кн(я)зя Миткю Всеволодича и Григорья Протасиева»¹⁶⁵. По сути, летописец донес до нас сокращенный реестр литовского войска, посланного против татар. Оно включало в себя дворы князя Андрея Михайловича, скорее всего, Мосальского; Андрея Шутихи из тарусских князей на службе князя Витовта, двор друцких князей Ивана Бабы и Ивана Путятю; двор другого тарусского князя — Дмитрия Шутихи и мценскую хоругвь наместника Григория Протасьева. Относительно отряда Ивана Бабы и Ивана Путятю в летописи сохранилось: «*Дрютских кн(я)зей семдесят*». При всей многочисленности рода князей

из Друцка трудно представить наличие сразу семидесяти князей и княжат в одном походе. Более вероятно, что летописец «сократил» слово «людей», и первоначально должно было звучать: *«Князя Ивана Бабу и брата его Путяту и друцких князей людей семдесят»*. Судя по всему, в первоначальном тексте и в отношении других лиц имелись уточнения относительно их владений, должности и количества приведенных людей, но летописец не счел нужным оставить эти сведения для потомства и сократил их, как не заслуживающие внимания. Сведения о друцком отряде сохранились по недосмотру редактора.

Ход военных действий довольно красочно описан в письме князя Витовта великому магистру Немецкого Ордена Павлу фон Русдорфу и заслуживает внимания, как пример отражения татарского набега в те времена: *«И так, названный царь в той самой Одоевской стране грабил (разорял) и находился тогда более полных трех недель, и потом отсюда пошел в наши отдаленные пределы страны, в сторону Московии, под наш замок (крепость), называемый Тула, и находился там вероятно целых восемь дней (целую неделю). И увидев, что здесь ничего не сможет сделать, двинулся он дальше в страну герцогов рязанских, которые также теперь повинуются нам. И так наши князья, бояре и служилые люди, живущие в том самом месте на границе, и наместники, собрались и выступили на того самого царя Хадандаха. И когда они его нагнали, бились они с ним в той самой Рязанской стране, и как захотел Господь Бог, наши люди одержали верх и в битве победили, и они сами вместе с другими остались здоровы, однако некоторые среди них были ранены и много лошадей застрелено. Язычники имели главным образом много убитых, тяжело раненых и много плененных великознатных людей «огланов» царского рода, князей, господ и лучших людей, так что царь сам с очень малым количеством слуг еле от этого спасся. Его жены и сестры и других господ, и князей жены вместе с другими были побиты, так как они были одеты в мужские одежды, а некоторые раненые взяты в плен. Мы тем более сильно обрадовались, что небесный пастух, наш любимый Господь Бог, нам и нашим людям дал такую удачу, что они так значительно в большом бою победили татар, чего раньше никогда не было, хотя между собой часто воевали»*¹⁶⁶.

В войне, начавшейся в Великом Княжестве Литовском после смерти князя Витовта, князь Иван Семенович Баба сразу стал на сторону

князя Свидригайло Ольгердовича. Участвовал в сражении под Вилькомиром 1 сентября 1435 г., после разгрома бежал в земли Немецкого Ордена, в город Ригу¹⁶⁷. Оттуда магистр от греха подальше послал князя Ивана в Псков: «*Иванъ Баба прибеже из Немець во Псковъ, месяца ноября въ 1 день*»¹⁶⁸. В другой летописи событие описывается более подробно: «*Приеха во Псковъ из Риге от местера князя литовскыи Иванъ Баба, а въ своем безвремении, и, пребывши въ Пскове до полузимы, поеха на Москву к великому князю*»¹⁶⁹. Великим князем тогда, после смерти дяди — князя Юрия Дмитриевича, в очередной раз стал князь Василий Васильевич. На его счастье, среди братьев Юрьевичей возник конфликт по поводу наследства, и в открытую борьбу с новым великим князем вступил лишь старший — князь Василий Юрьевич. Двое младших братьев — князья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный — отказались его поддержать. Возможно, именно поэтому князь Иван Баба легко поступил на службу к великому князю Василию Васильевичу, несмотря на то, что князь Свиригайло был «побратимом» князя Юрия Дмитриевича, врага нынешнего великого князя. Прибытие князя Ивана Семеновича с литовскими беглецами значительно усилили великокняжеское войско. Летописи особо отмечают сей момент, как и особые тактические методы, ими принесенные.

Весной 1436 г. князь Василий Юрьевич с Устюга начал поход на Москву «*...похваляся, а с ним Вятчане, да двор брата княж Дмитриевъ Шемякын с ним же*»¹⁷⁰. Дворяне князя Дмитрия Шемяки («*500 человек, а воевода у нихъ Окыньфъ Волынской*»¹⁷¹) ушли к князю Василию Юрьевичу после ареста своего сюзерена. Произошло это зимой, когда князь Дмитрий приехал в Москву звать великого князя к себе на свадьбу. Со своей стороны, и великий князь собрал силы немалые: «*А с великим князем князь Дмитрей меньшеи, да князь Иван Андреевич Можайской с полкы своими. Да тогда же приехал к нему служити из Литвы князь Иван Баба Дрютьских князеи. И той изряди свои полкъ с копии по Литовскы, тако же и вси прочии полци князя великого изрядишася по своему обычаю*»¹⁷². Данное летописное сообщение, по времени написания ближе всего стоящее к событию, подчеркивает разницу построения хоругви князя Ивана Семеновича «*по-литовски*» от прочих полков, построившихся «*по своему обычаю*». Отличие подчеркнуто и в Лицевом Летописном Своде, где на миниатюре, посвященной битве, двор

князя Ивана Бабы изображен в «*немецких шлемах*» и с копьями более длинными, чем у окружающих. Наконечники копий крупнее обычных и более четко прорисованы¹⁷³.

Встреча неприятелей состоялась 14 мая 1436 г.¹⁷⁴ «...у святого *Покрова въ Скорятине въ Ростовъскои области*»¹⁷⁵. Судя по описанию битвы, именно князь Иван Баба решил её исход. «*И изрядивъ копия поидоша вместо и бишис(я), и побеже кн(я)зь Василей, и уgonи его Борис Тоболинъ и позналъ его, нача кликати, и пригнаша к ним кн(я)зь Иван Баба и поимаша кн(я)зя Василья Юрьевича*»¹⁷⁶. Тоболины владели вотчинами в Звенигородской земле¹⁷⁷, соответственно, служить должны были звенигородскому князю — умершему Юрию Дмитриевичу, а затем его наследникам. Сам Юрий Дмитриевич сперва, после ссоры со старшими сыновьями, отписал Звенигород младшему — Юрию Красному, затем после примирения — старшему Василию Юрьевичу, но тот там так и не покняжил. Наиболее вероятно, что Борис Тоболин входил в число дворян князя Юрия Красного. Тогда на поле битвы полк князя Дмитрия активно взаимодействовал с хоругвью князя Ивана Бабы.

Пленением князя Василия Юрьевича князь Иван Семенович оставил яркий след в русской истории, как метеор, блеснувший в небе. Но дальнейшая его судьба неизвестна. Два его сына Федор и Константин впоследствии жили в Великом Княжестве Литовском, три — Василий, Семен и Иван — остались на Москве. Как писалось выше, Семен в 1454 г. погиб на Оке, «*под Перевитцком*», а от князя Василия пошел род князей Бабичевых¹⁷⁸. Вопрос, куда делся отец, остаётся нерешенным по сей день. Некоторые считают, что он погиб в следующем году в несчастной битве у Белева. Но в поминальных списках его имя отсутствует, хотя там есть несколько Иоаннов и Иванов без указания фамильного прозвища. Возможно, один из них — князь Иван Баба, а пренебрежение, оказанное ему в синодике, — это отзвук вины давнего соратника Григория Протасьева. Ведь именно Григорий Протасьев в русской историографии был объявлен виновником поражения.

Григорий Протасьев был воеводой города Мценска. Такую должность в Великом Княжестве Литовском установил князь Витовт. Он, укрепляя централизованную власть, отбирал у владетельных князей вотчины и уделы, а на их место рассаживал лично преданных людей.

Эти люди правили от имени великого князя в мирное время, а в военное возглавляли военные отряды — хоругви тех областей, называемые по местности. В летописи он появляется в связи с набегом хана Барака в 1422 г. 31 августа «...царь Баракъ побѣ Куидодата, а на осень приходи къ Одоеву ратью». Город татары взять не смогли, но окрестности разорили и набрали много пленных. На помощь Одоеву пришел мценский воевода, и людей удалось отбить. «И князь Юрья Романович Одоевскы да Григорей Мценскы състигъ его били и полонъ отъимали»¹⁷⁹.

В 1424 г. Григорий Протасьев вместе с князем Иваном Бабой участвовал в походе на хана Худайдата и его разгроме. Интересно в этой связи отметить, что после победы «...сам ц(а)рь бежалъ, а ц(а)р(и)ци его поимали, одну послали в Литву к Витофту, а другую на Москву к великому кн(я)зю»¹⁸⁰. Скорее всего, вместе с той царицей в Москву попал и сын Худайдата Бердедат, впоследствии московский «служильный царевич»¹⁸¹. Такой ценный подарок следовало доставить великому князю Василию Дмитриевичу с подобающей свитой, а человек, его доставивший, мог рассчитывать на награду.

В историческом обороте существуют две грамоты, считающиеся фальсификатом. Обе они касаются сына и внука Григория Протасьева — «Ивана Григорьевича Расла [прозвище Ивотя Прот]асьева сына и сына ево Конона». В одной, датируемой 28 августа 1425 г., им в кормление «за выезд» дается волость Луза в Устюге. В примечаниях к публикации 1964 г. подлинность акта не подвергается сомнению и даже дается пояснение, что область Луза имела стратегическое значение на пути к Малой Перми. Там имелся укрепленный городок «о двух башнях и с тайником к реке», который мог стать опорным пунктом в предстоящей борьбе с князем Юрием Дмитриевичем¹⁸². Во второй грамоте от 20 апреля 1426 г. великий князь жалует тех же лиц «в ко[рмленье] в Мещере городом Елатмою и Кадомою»¹⁸³. В этом случае сторонники «фальсификации» подвергают сомнению возможность великого князя Московского распоряжаться Мещерой. Но Мещера упоминается в договорах ещё со времен князя Дмитрия Донского, а в 1392 г. князь Василий Дмитриевич получил ярлык на «...Новъгород Нижнии и Городецъ со всемъ, что ни есть во власти их, тако же Мещеру и Торусу»¹⁸⁴. В одной из последних публикаций на тему данных грамот И. Г. Пономарева, рассмотрев все «за» и «против», пришла к выводу, что они

частично подлинны, хоть и подправленные. Но почему-то отказала Ивану Раслу в родстве с мценским воеводой Григорием Протасьевым¹⁸⁵.

Попробуем выдвинуть свою версию. В 1425 г. сын воеводы Григория Протасьева Иван Расл по прозвищу Иватя за отличия в походе на хана Худайдата был удостоен чести сопровождать в Москву пленённую жену разбитого хана. В Москве в ту пору опочил великий князь Василий Дмитриевич, и великой княгине Софье нужны были верные люди. Таким человеком и оказался Иван Григорьевич, возможно, по велению главного опекуна — великого князя Витовта. Он «поступил на службу» к десятилетнему великому князю Василию Васильевичу, благо дедушка Витовт уже считал эти земли своими.

Поначалу Иван Григорьевич получил стратегически важную крепость на севере, с которой можно было шкочить князю Юрию Дмитриевичу, не желавшему признавать власти малолетнего великого князя, его мамы и деда. Но тут случилось и другое событие. Пленная ханша родила мальчика, названного Бердидатом. Великий князь Витовт, посоветовав дочери сделать из него своего, «ручного» чингисида. У самого князя Витовта их было великое множество, начиная с сыновей хана Токтамыша и заканчивая Улуг-Мухаммедом, кой овладел Ордой после разгрома Худайдата. Для содержания будущего служилого царевича следовало выделить ему удел, а для присмотра — воспитателя. Наиболее подходящими землями для «своего татарского юрта» оказалась Мещера, где впоследствии сложилось «Касимовское ханство», а воспитателем стал Иван Григорьевич Расл, получивший кормления рядом. Мещера отличалась этнической разнородностью населения¹⁸⁶. Там преобладал финно-угорский элемент, было много тюрок, а славяне составляли меньшинство. Именно такой удел и подходил для татарского царевича. Возможно, боярина Ивана или его сыновей связывали с царским семейством и более тесные узы. Потому и получил внук Ивана Расла по имени Григорий прозвище Чагадай, что по-монгольски значит «храбрый», «честный», «искренний». История, конечно, романтическая, но вполне имеет право на существование.

Однако вернемся к самому воеводе Григорию Протасьеву. Смерть великого князя Витовта принесла ему неприятности. Ордынский эмир Хайдар Кунграт в конце 1430 г., получив известие о смерти великого князя, предпринял набег в литовские пределы. Набег удался, и хотя

эмир не смог взять города Мценска, но обманом, выманив из крепости, захватил тамошнего наместника. *«Кн(я)зь велики ордыньски Аидаръ воевал Литовьскую землю, пришед под Мченескъ, стоялъ под городом три н(е)д(е)ли, города не взял, воеводу Григорья Протасьевича на роте изымалъ, а волости повоевал, а до Киева не доходилъ за 15 мил(ь)»*¹⁸⁷. Самоуправство зятя очень не понравилось хану Улуг-Мухаммеду: *«Царь же поругася Аидару и не похвали его о том»*¹⁸⁸. Весной 1431 г. хан послал к новому великому князю литовскому Свидригайло Ольгердовичу посольство с предложением мира и дружбы, о чем князь Свидригайло в письме от 29 апреля известил тевтонского фогта Братиана Генриха Хольта. Со своей стороны, великий князь Литвы послал в Орду новгородского наместника Петраша Монтигирдовича¹⁸⁹. Пересказ сообщения об этом посольстве донес до нас Август Коцебу: *«Строгий рыцарь Петр, Воевода Новогородекский, возвратился от Татарского Хана с уверением, что сей последний желает пребыть с ним в истинной любви и дружбе, как и с предместниками его, и готов вспомоществовать ему не токмо всем войском, но и личным даже присутствием своим, где и когда нужда того потребует; в чем и дал ему от себя письменное обязательство в такой силе, как прежние Ханы давали предместникам Свитригайловым; для вящего же подтверждения дружбы своей, прислал к нему четырех знатнейших Князей, в том числе и своего тестя, и даровал свободу Григорью Протасию, воеводе Мчаскому вместе с многими другими взятыми в плен»*¹⁹⁰.

После освобождения из ордынского плена наш храбрый воевода, скорее всего, принял участие в Луцкой войне между великим князем Свидригайло и его старшим братом, королем польским Ягайло. Во время войны он вновь оказался в плену. В связи с этой войной интересно отметить: *«В сентябре 1431 г., рыцарь Генрих фон Мальтиц сообщал саксонским князьям из Мариенбурга, что в Луцком замке во время недавней войны находилось четыре тысячи человек, из них 30 князей»*¹⁹¹. Это сообщение помогает оценить возможную численность армий и отдельных подразделений тех времен.

В 1433 г. воевода Григорий вместе с князем Иваном Семеновичем Бабой и прочими сторонниками князя Свидригайло подписал послание отцам Базельского собора¹⁹², после чего оставался на воеводстве в Мценске и Стародубе. Надо думать, подобная отсылка Григория Протасьева

на степную границу была вызвана переменной позиции князя Свидригайло в ордынском вопросе. Если ранее он ориентировался на союз с ханом Улуг-Мухаммедом, то с начала 1434 г. сделал ставку на Сеид-Ахмеда, скорее всего, сына Керим-Берды, сына Токтамышша¹⁹³. Этот «вольный царевич» ещё 1 сентября 1432 г. был в свите великого князя и бежал вместе с ним из Ошмян¹⁹⁴. А через год при поддержке могущественного эмира Хайдара Кунграта, покинувшего хана Улуг-Мухаммеда, уже стал «вольным царем». О новом союзнике великий князь Свидригайло 25 апреля 1434 г. известил гроссмейстера Тевтонского Ордена, написав: *«Воевода его Немиза, Наместник Брянский, прибыл к нему от Татарскаго Хана Седахмета вместе с Великим Князем онаго Хана, по имени Бато и с главным предводителем войск его. Послы сии донесли ему, что Хан с сильным войском и со всеми Князьями и воеводами своими изготвился уже к походу и ожидает назначения его»*¹⁹⁵.

Такая смена партнера огорчила хана Улуг-Мухаммеда, и воеводе Григорию надлежало по старой дружбе сдерживать его гнев, желательно, мирным путем. 1 сентября 1435 г. князь Свидригайло потерпел сокрушительное поражение от князя Сигизмунда Кейстуовича под Вилькомиром. Приукрашенная молвой весть озадачила верного воеводу, так как там говорилось о смерти сюзерена. Перед ним открывалось несколько путей дальнейшего существования — присягнуть новому великому князю Сигизмунду, послать гонца на Москву и попроситься в службу к великому князю Василию Васильевичу, попробовать, воспользовавшись неразберихой и хорошими отношениями с ханом Улуг-Мухаммедом, создать под его крылом своё княжество. Немного подумав, воевода Григорий Протасьев последовал примеру своего тезки — воеводы смоленского Григория Бутрима. Оба они присягнули великому князю Сигизмунду. Но «погибший» князь Свидригайло неожиданно объявился в Киеве, откуда 16 марта написал о своих злоключениях и новых победах тевтонцам, *«...что неприятели его распустили слух о его смерти; вследствие чего Воевода Мценский Григорий, иначе Протасий, отклонился было от него вместе с многими другими городами. Однако Григорий вторично поклялся ему в своей верности; прочие же города, выключая Смоленск, покорены им снова»*¹⁹⁶.

Таким образом, воевода Григорий осознал свои ошибки и вновь стал верно служить великому князю Свидригайло, тем более что тот крепко

обосновался в Киеве и Луцке, завел переписку со своим племянником, польским королем, и уходить оттуда никуда не собирался. Попытки Сигизмунда Кейстутовича выбить соперника не увенчались успехом. О своем успехе князь Свидригайло не замедлил известить тевтонского магистра. В письме от 27 сентября 1437 г. он сообщал, «...что во время путешествия его в Краков для свидания с Королем Польским, двинулись вперед два войска Литовские, одно к Луцку, другое к Киеву; первое намеревало штурмовать самый город, но было отражено; коль скоро же неприятель услышал, что Великий Князь ведет переговоры с Королем, то с поспешностью и великим уроном возвратился восвояси; последнее же наголову разбил Киевский Наместник Гирша, с помощью войска своего и союзных Татар; получил в добычу семь знамен, положил на месте множество воинов и взял в плен 135 из знатнейших дворян; между коими находились многие, нарушившие верность к Свидригайле. Главный полководец Литовский, тяжело раненный стрелою, бежал с поля сражения, и находится еще в лесах вместе с несколькими развеванными по оным своими воинами, из коих многие уже захвачены»¹⁹⁷.

Неожиданно на голову воеводы Протасьева свалилась новая напасть: «Тое же осени пришед царь Махмут седее в граде Белеве, бежав от инога царя»¹⁹⁸. Началась трагедия, получившая название «Белевщина», одна из самых запутанных и тёмных в истории Руси. Не вдаваясь во все подробности сего прискорбного события, постараемся выяснить, какую роль в нём сыграл воевода мценский Григорий Протасьев. В российской, а затем советской историографии устоялось мнение, что именно он — истинный виновник поражения русского войска и изменник великому князю московскому Василию Васильевичу¹⁹⁹. Но каким образом Протасьев мог «изменить» московскому князю, если в тот момент находился на службе у литовского? Все предположения о переходе воеводы Григория на службу Москве основаны на более поздней повести «о преподобном старци Даниле Переяславльскомь», включенной в Степенную книгу. Но и там событие завуалировано и описано без указания даты: «В лето благовернаго и христалюбиваго великаго князя Василя Васильевича всея Русии бе некто велможа именем Григории Протасиевъ, властельства во граде Мценьске. Повелением же великаго князя переселися оттуду в царствующи градь Москву,

*с нимъ же приидоша множество людий»*²⁰⁰. На добровольный переход не похоже, скорее, переселение под воздействием силы по «повелению». Такое, как мы увидим позже, могло случиться, но не до «Белевщины», а после неё.

Между тем Улуг-Мухаммед «...постави себе город на реце, на Белеве, от хвастиа себе исплете и снегом посыпа, и водою поли, и смерзся крепко, и хоте ту зимовати»²⁰¹. Против него из Москвы было послано войско. Непонятно почему? Ведь Белев и все окружающие земли с конца 30-х годов признали власть Литвы. Войско возглавляли сыновья покойного претендента князя Юрия Дмитриевича — князья Дмитрий Шемяка и Дмитрий Красный. Опять непонятный момент, почему не сам великий князь? Ведь в войске кроме дворов Юрьевичей присутствовали и великокняжеские дворяне под командой бояр Андрея Константиновича Шонурова, Василия Ивановича Собакина, Андрея Федоровича Голтяева и других. По некоторым данным в походе участвовали тверские и рязанские ратники²⁰². В декабре объединенное воинство пришло к Белеву. Улуг-Мухаммед предложил переговоры, но они были отвергнуты. 4 числа «...на утри же исполчишася Русстии полци поидоша к городу, и Татарове же выидоша противу им, и бысть им бои силенъ». В поле русские разбили татар и даже ворвались в их укрепленный город, но ворвавшихся почему-то не поддержали основные силы «...гнаша бо ся те за Татары и до половины града, а прочии вои от града възвратишася»²⁰³.

Воевода Григорий Протасьев со своими литвинами тоже находился возле Белева, но в бой не вступал. Он отговаривался: «Князь велики прислал ко мне, битись со царем не велел, а велел миритись и полки рогступити»²⁰⁴. Надо думать, воевода доводил до сведения прочих мнение своего великого князя — Свидригайло Ольгердовича. Московские воеводы восприняли желание литвинов со всей серьезностью и объявили, как сказали бы сейчас, «гуманитарную паузу». Русские согласились на переговоры и жестоко поплатились за это. Летописец всё валит на мценского воеводу: «И бе некто Григорей Протасиевъ, сотвори крамолу, хотяше бо естию промеж(е) ихъ мир сотворити. Кн(я) зи же русстии емши сему веру... А сеи в то время Григорей Протасиевъ и посла ко ц(а) рю, веля в то время прийти на русстии полки с вои своими»²⁰⁵. Получается, что Григорий не только обольстил доверчивых

русских князей, но и хану татарскому приказал напасть на них, а тот покорно исполнил повеление мценского властителя. Как всё было на самом деле, мы вряд ли узнаем, но на следующий день, 5 декабря, во время начавшихся переговоров русский лагерь был атакован с тыла. Неизвестно доподлинно, совершили ли это татары, сумевшие скрытно обойти русских, или предательский удар нанесли литвины. Но результат был ошеломляющим: множество русских было убито, остатки разбежались по лесам. Одних внуков князя Дмитрия Боброка Волынского, служивших тогда во дворе князя Дмитрия Шемяки, погибло трое — Акинф, Семен и Полуект Борисовичи²⁰⁶.

Победители не смогли по достоинству воспользоваться своим триумфом. Следом за московской ратью в верховья Оки явился сам «инои царь» — хан Кичи-Мухаммед. Он планомерно двигался на север следом за беглым Улуг-Мухаммедом и принимал присягу у отколовшихся от него эмиров. Хан Улуг-Мухаммед с сыновьями и ближними сторонниками бежал то ли в Мещёрские леса, то ли в нижегородские пределы, некоторые считают, что в Казань²⁰⁷. Ну а отдуваться пришлось русскому населению верховских княжеств. Свидетелем возвращения хана Кучук-Мухаммеда после победы летом 1438 г. стал венецианский купец из колонии Тана Иософат Барбаро, о чем он не преминул впоследствии написать: «Он пришел к Дону в июне месяце и переправлялся через реку в течение почти двух дней со своим многочисленным народом, с телегами, со скотом и со всем имуществом». Венецианец получил свою долю добычи от погрома русских земель: «Родич хана, Эдельмуг, вернувшийся для переправы через реку (о чем я рассказал выше), приехал в Тану. Он привел ко мне одного из своих сыновей и, бросившись меня обнимать, сказал: «Я привез тебе моего сына и хочу, чтобы он стал твоим». Тут же он стащил со спины этого сына кафтан и надел его на меня. Кроме того, он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: «Это часть добычи, которую я забрал в России»²⁰⁸.

Если татарский эмир так легко дарил пленников итальянцу, то, скорее всего, он их захватил так много, что некуда было девать, и добыча Орде досталась огромная. Именно после погрома, учиненного Кучук-Мухаммедом, стало возможно то, о чем написано в Степенной книге. Великий князь Василий Васильевич повелел воеводе «...переселился оттуду в царствующи градъ Москву, с нимъ же приидоша

множество люди». Переселение людей было проведено для спасения оставшихся в живых. Сам воевода Григорий от переселения ничего не выиграл, на службу его не взяли, а в 1439 г. «...князь великы Григорья Протасъевича поймавъ, и очи вымалъ». Где закончил свои дни бывший мценский воевода — неизвестно. В следующем 1440 г., весной, погиб и его сын Иван: «Федько Блудов, Сука Василья убилъ да Ивана Григоръевича Протасъева утопилъ»²⁰⁹. Федор Блудов, несмотря на уничижительное написание его имени в летописи, не был разбойником с большой дороги. Блудовы возводили свой род к воеводе князя Ярослава Мудрого Ивещею Блуду, погибшему в битве с поляками ещё в 1018 г., а один из предков Федора сражался в войске князя Гедимина на реке Ирпень²¹⁰. Имя самого Федора Блудова упомянуто в договоре от 31 августа 1449 года между великим князем московским Василием Васильевичем и королем польским и великим князем литовским Казимиром. Там, наряду с другими знатными вотчинниками, право владения их землями признавалось за великим князем московским. «А Федора Блудова, а Алексанѣдрова Борысова сына Хлепенѣского и кн(я)зя Романа Фоминског(о) и их братьи и братаничев отчины, земли и воды, все мое великого князя Васильево»²¹¹. Там перечислены лица, перешедшие в московскую службу со своими землями и получившие взамен другие от великого князя. Вполне возможно, и конфликт между Федором Блудовым и сыном Григория Протасьева связан с таким обменом. Федор Блудов пришел в Москву вместе с переселенцами после погрома. Иван Григорьевич Протасьев, который, действительно, давно уже служил великому князю Василию, занимался по его наказу обменом земель. Блудову что-то не понравилось, и он утопил великокняжеского порученца. Кара со стороны великого князя последовала незамедлительно: «И самого Федка, поймавъ, повесили, на Коломне, на осокори»²¹².

На земли самого Григория Протасьева великий князь Василий не претендовал, ими распоряжался великий князь литовский. Одно владение бывшего мценского воеводы, «Островки, Протасьево село», было пожаловано Юшке Дранице в период с 1440 по 1443 гг.²¹³ Село Островки находилось «у Новгородской волости»²¹⁴, скорее всего, это современный Новогрудок Гродненской области, но, может быть, и Новгород-Северский. Кроме этого села пан Юшка получил два поселения в гомельской волости — Шерстино и Немковичи²¹⁵. пожалования

начала 40-х годов могли быть связаны с успешным заговором против великого князя Сигизмунда Кейстутовича и его убийством 20 марта 1440 г. Жалованные грамоты на села пану Юшке давал виленский воевода Ян Довгирд, а он был одним из главных заговорщиков. Надо думать, Юшка Драница сыграл в убийстве не последнюю роль, за что и был награжден.

После смерти Сигизмунда перед литовской знатью встал вопрос, кого выбрать великим князем. У убитого остался сын — Михайлушко Сигизмундович. Он был хорошим воеводой и не собирался сдаваться без боя. Заговорщики прочили в великие князья Свидригайло Ольгердовича. Но основная масса князей, панов и бояр в своё время перебежала от князя Свидригайло к князю Сигизмунду, и возвращения сына Ольгерда они не желали. В конце концов сошлись на кандидатуре брата короля польского Владислава III — Казимире Ягеллоне. По-литвински его звали Казимир Андрей Ягайлович. Великим князем Андрея Ягайловича выбрали 29 июня 1440 г.²¹⁶, после чего участники заговора против его предшественника разбежались в разные стороны.

Пан Юшко подался на Москву. В зимний поход 1444–1445 гг. он воевал в составе великокняжеского войска, пытавшегося выбить хана Улуг-Мухаммеда из Нижнего Новгорода. Тот поход, пожалуй, самый грандиозный, во времена правления великого князя Василия Васильевича. В нем участвовали все князья московского дома: *«А князь великий Василей Васильевич пашед с своею братьею к Володимерю, князь Дмитрей Шемяка с ним, и князь Иван, князь Михаило Ондреевичи, князь Василей Ярославичь и со всеми князи своими, бояры, и воеводами, и со всеми людьми противу царя Махмета, пришел бо в Новгороде Нижнем старом»*²¹⁷. Боевые действия развернулись от Мурома до Гороховца. Часть войск действовала *«...въ Новгороде Нижнемъ, а въ Новомъ затворишася воеводы князя великого, князь Феодор Давидовичь да панъ Юшко Драница»*²¹⁸.

Князь Федор Давыдович Пестрый из стародубских князей (Стародуб на Клязьме) считался одним из лучших московских воевод. В летописных статьях за 1429 г. ему и Федору Константиновичу Добрынскому посвящены строки, которых удостаивались немногие: *«Темъ воеводам при животе ч(е)сть, а по см(е)рти ихъ вечная память»*²¹⁹. В 1431 г. он самостоятельно совершил успешный поход на Булгар: *«Князь великы*

*Василеи посылаеъ ратью на Болгары Волжьские князя Федора Давыдовича Пестрого, онъ же, шедъ взя их, всю землю их плени»*²²⁰. Воевать с князем Федором Давыдовичем плечом к плечу, хоть и в качестве второго воеводы, было высокой честью. Возможно, этому способствовало родство пана Юрия с московским боярским родом. Про одного представителя того рода — «*боярина именем Ивана сына Григориева Чюровича, нарицаемого Драницей*» — известно, что во времена великого князя Дмитрия Донского он был приставом при отправке в заключение митрополита Пимена²²¹.

Зимняя кампания закончилась ничем, добить Улуг-Мухаммеда не удалось. Помешало вторжение литвинов на юго-западных рубежах, завершившееся битвой на Суходреве, неудачной для ратей московского княжества. Пришлось перебрасывать часть сил от Муром к Калуге. Великий князь отбыл в Москву праздновать Пасху. В Нижнем Новгороде, в «старом» городе (то есть нижегородском кремле) сидели татары и нижегородские князья, в «меньшом» — остроге, построенном в 1444 г., — московские воеводы.

Весной 1445 г. Улуг-Мухаммед предпринял ответные действия, послав своих сыновей «*Маматка да Якуба*» на Москву. По окончании Петрова поста, 29 июня, великий князь выступил из Москвы навстречу. В городе Юрьеве «*...прибегоша к нему воеводы ноугородицкие, кн(я)зь [Федор] Долголядовъ да Юшка Драни[ца град] же зажегли, понеже изнемога[ша с голоду]*»²²². Как видим, «*фамилия*» первого воеводы изменилась, возможно, это ошибка сводчиков и переписчиков летописей, но вполне могла произойти замена. Не дело для князя Федора Пестрого сидеть в осаде в остроге. Относительно князя Федора Долголядова можно сказать, что прозвище искажено, скорее всего, подразумевался князь Федко Довговдович. Тем более что в разных списках он записан по-разному: «*Феодор Долголѣдовъ*»²²³, «*Феодор Долголгоф*»²²⁴. Князь Федко Довговдович был «*рутенизированным балтом*», сыном князя Юрия Довговда. Они с братом владели землями на пограничье Новгородского и Слонимского поветов. Оба брата не оставили потомства, и их земли ушли другим лицам в 1451 г.²²⁵

7 июля 1445 г., в среду, под Суздалем состоялось сражение, в котором 3500 татар разгромили 1500 русских, захватив при этом в плен великого князя. В синодике павших в битве указано порядка 120 имен,

среди них, вероятно, внук воеводы Григория Протасьева — Владимир Иванов сын Протасьев²²⁶. Пан Юшка Драница уцелел, про князя Федора «Долголядова» больше нигде, никогда не упоминалось. Хан Улуг-Мухаммед обошелся с плененным великим князем по-отечески, попенял ему за непослушание и отпустил с миром, «...утвердивъ его крестнымъ целованиемъ, что дати ему с себя окупъ, сколько может»²²⁷.

О размерах выкупа историки спорят по сегодняшний день. 1 октября 1445 г. великий князь с прочими знатными пленниками под присмотром «*пять сотъ Татары*»²²⁸ отбыл с Курмыша в Москву. Доброта хана не позволила пану Юшке Дранице совершить подвиг. Он собирался выкрасть великого князя из плена, но немного опоздал: «*А в то время панъ Юшко Драница подгрелъ бе в судехъ, хътя выкрати князя великаго у Татар, и яко узре уже отпущена, и притекъ паде на ногу его, плача отъ радости*». Пан Юшка предложил великому князю Василию пересестъ в суда, так как не доверял татарской охране, но князь Василий «...не восхоте, но поиде конми к Мурому»²²⁹.

Радость москвичей и жителей великого княжества, вызванная возвращением из плена князя Василия Васильевича, скоро сменилась разочарованием. Поборы, вызванные необходимостью платить выкуп, не нравились никому. Пошли слухи, что великий князь хочет отдать Москву татарам, а сам княжить в Твери. Князь Дмитрий Шемяка уверял остальных князей: «*Царь на том отпустил великого князя, а он к царю целовал, что царю сидети в Москве и на всех градахъ Русских и на нашихъ отъчинах, а сам хочет сести на Тфери*». В результате сложился заговор во главе с князем галицким Дмитрием Шемякой, князем можайским Иваном Андреевичем и великим князем тверским Борисом Александровичем. Заговорщики нашли широкую поддержку: «*Мнози же Москвичи в думе с ними бяху, бояре же и гости, бе же и от чернецов*». В феврале 1446 г. великий князь поехал в Троицкий монастырь, по-видимому, хотел помолиться, а заодно взять у старцев денег. Воспользовавшись этим, заговорщики «...февраля месяца, въ 12 в субботу въ 9 час нощи» захватили Москву вместе с матерью и женой великого князя. После чего князь Иван Андреевич отправился «*на великого князя Василиа къ Троице изгоном*». Местные монахи помогли заговорщикам. В ночь на 14 февраля великого князя доставили в Москву, а в ночь на среду ослепили. Ослепленного и лишенного

власти Василия с женой отправили «на Угличе поле», мать — Софью Витовну «на Чухлому»²³⁰.

Большая часть бояр и детей боярских присягнули новому великому князю Дмитрию Юрьевичу Шемяке. Но некоторые во главе с князем серпуховским Василием Ярославичем и Федором Басенком убежали в Литву «...и со княгинею и з детми и со всеми людми». Верность Василию сохранили и татарские царевицы: «Касымъ да Ягупъ Махметовичи да Бердодать Кудудатовичъ; служили великому князю, и те вступили в Литовские порубежья»²³¹. Не остались в стороне хан Улуг-Мухаммед и его старший сын Мамутек. «На самые Велик день Христов приходили казанския татаровя на Устюг Великий, и стояли под городом три дни, и в самой Велик день и начаша приступать к городу несучи насад на головах». Взять город татарам не удалось, удовлетворившись выкупом в «11 000 денег и всякои ружляди», славные богатыри «пошли вверх по Югу и на Ветлугу», но заплутали и во множестве потонули в болотах. Из 700 человек в Казань вернулось 40. Можно предположить, что послали их вызволять Василия, но они отвлеклись на грабеж, хотя 11 000 денег составляли 55 рублей, добыча не особо богатая.

После первого потрясения московские дети боярские тоже стали проявлять недовольство правлением князя Дмитрия Шемяки. Сложилось две группы несогласных, одна во главе с князьями Ряполовскими, в другую входили «...кн(я)зь Иван Васильевич Стрига, да Иван Ощера с братом Бобромъ, да Юшка Драница и иные многие дети боярские двора великого князя, с ними ж(е) был Семен Филимоновъ со всеми детми, да Русалка, да Руно». Обе группы решили действовать заодно и на Петров день освободить князя Василия Васильевича из Углича. Отряд Семена Филимонова, в котором был пан Юшко Драница, «на той срок со всеми своими пришелъ», а князей Ряполовских обнаружили на подходе, они «поидоша за Волгу к Белозеру». Князь Дмитрий Шемяка «послалъ за ними с Углича рат(ь) с Васил(ь)ем Вепревым да Федора Михайлович(а)». В летописи сказано, что Ряполовские эту рать побии, но почему-то ушли через новгородские земли в Литву. А Семен Филимонов, прождав напрасно, «со всеми своими поиде от Углича к Москве». Из его отряда вслед за князьями Ряполовскими в Литву ушел лишь Иван Руно²³².

В конце года начался «освободительный поход» сторонников князя Василия Васильевича из Литвы, их поддержала внутренняя оппозиция. Великого князя Дмитрия Юрьевича и его последнего союзника Ивана Андреевича покинул великий князь тверской Борис Александрович. На Рождество, 25 декабря 1446 года, Михаил Борисович Плещеев и Лев Измайлов взял изгоном Москву. Если верить тверскому книжнику, в их рати было меньше сотни человек: *«И толь бо дивно: с града изгониша в мале 90 или во 100 человекъ, и наместника изымаша, и град заседоша»*. Про роль пана Юшки в этих событиях летописцы молчат, только отмечают его гибель во время осады Углича. *«Убиен же бысть тогда под градом Литвинъ, храбрыи человекъ, Юшко Драница»*²³³. Эпитафия весьма скромная, видимо, великокняжескому войску похвалиться в той осаде, было нечем. Но любопытствующие читатели могут ознакомиться с тверским взглядом на событие: *«И князь же великий Василей восхоте поити ко граду Угличю, и идеже было княжение Дмитреево жилище, а его узилище. И князь же великий Борис отпусти с нимъ силных своихъ и крепчайшихъ воеводъ, Бориса Захариинича да брата его Семена Захариинича и с ними множество, а преидоша малыми деньми. И приидоша под град прежереченый град Угличе, и гражане же не восхотеша града отворити. И князь же великий Василий посла к великому князю Борису, а рекый: «Бес тебе, брате, и малый град не отвориться мне». И князь же великий Борисъ посла к нему своего сына боярского и с нимъ пушечника с пушками, именем Микулу Кречетникова. Но таковъ беяше той мастеръ, но яко и средди немецъ не обрести такова. И егда же привезоша пушкы, и тогда въеводы великого князя Бориса Александровича, Борисъ да Семень, яко добрии и храбрии въини служаху государю своему, великому князю Борису Александровичю, и начаша вооружатися в местныя браня, а пушкы же поставиша под самым градомъ и повелеша бити, а сами начаша приступати, но яко всемъ москвичамъ дивитися храборьству ихъ, и дерзости их, и великому ихъ умению. И гражане же видъвше дерзность сыновъ тферскихъ и великого князя Василиа крепость, и убояшася, и град отвориша. И князь же великий Василей ничтоже зла граду тому не сотвориша, и омири их и град осади. И поиде за своим недругом, за княземъ Дмитреем, къ Ярославу, и с ним великого князя Бориса Александровича Борис Захариинич да Семень»*²³⁴.

Намного знатней и известнее пана Юшки был князь Александр Васильевич Чарторыйский, как говорят, он приходился внуком сыну великого князя Ольгерда Коригойло, в крещении — Константину Ольгердовичу²³⁵. Чарторыйские, как и положено Гедиминовичам, имели герб «Погоня» — всадник с мечом в руке. Право на пользование гербом подтверждено привелеем польского короля Владислава III в 1442 г. Первоначально князь Александр поддерживал великого князя Свидригайло и служил ему. Был свидетелем жалованных грамот этого князя в 1437–1438 гг.²³⁶ Потом неожиданно стал конюшим у его противника — великого князя Сигизмунда²³⁷. Вместе со своими братьями, князьями Михаилом и Иваном, он организовал заговор против великого князя литовского Сигизмунда Кейстутовича²³⁸. После убийства последнего 20 марта 1440 г. и избрания новым великим князем Казимира Ягеллона братьям-заговорщикам пришлось бежать. Князь Михаил подался в Венгрию, князь Иван на Волинь²³⁹, а князь Александр выбрал прибежищем Москву.

Великий князь Василий Васильевич сначала наделил беглеца Суздаlem, но в 1442 г. отобрал его и передал город князю Ивану Можайскому, дабы отворотить его от дружбы с князем Дмитрием Шемякой. По сей причине литовский беглец перешел к князю Дмитрию Юрьевичу. Эти события описаны довольно подробно: *«А со княземъ съ Дмитреемъ князь Иванъ Можайскы был на Углечи у него, и князь великы его отъзваль, а далъ ему Суздаль, а преже былъ за Черторижьскимъ. А князь Дмитрей, а с нимъ князь Александръ Черторижьскои, после князя великого пришли ратью ольны до Сергеева монастыря безвестно, и не пусти ихъ игуменъ Зеновец, и еха напередъ сам игуменъ и помири их»*²⁴⁰. По мирному договору с великим князем Василием князь Александр Васильевич перешел во Псков, 25 августа 1443 г. он «целовал крест» одновременно и Пскову, и великому князю²⁴¹.

Неизвестно, участвовал ли князь Александр Чарторыйский в заговоре против князя Василия Васильевича зимой 1446 г., но обстоятельства пленения великого князя как две капли воды напоминают убийство князя Сигизмунда Кейстутовича. Весной 1440 г. для проникновения в резиденцию князя Сигизмунда Троки заговорщики применили следующую хитрость: *«Направили дворянина родом из Киева по имени Скобейко и дали ему триста возов сена и на каждый воз*

*под сено положили по пяти вооруженных человек, а один человек возом правил, и отправили того Скобейко в Троки, будто бы с дякольным сеном»*²⁴². В феврале 1446 г. для преодоления великокняжеских застав в Радонеже заговорщики «...повеле сани многы изрядити, как возы с розозинами, а иные с полстми, а в них по два человека в доспесе, а третей после идет, как за возом»²⁴³. Оба случая как будто списаны под копиру. Правда, в литвинском манускрипте, писаном в оригинале латинскими буквами, все эпичнее — в каждых санях по 5 человек, да еще возчик. В московском варианте скромнее ровно в два раза и, скорее всего, правдивее.

В 1447 г. князь Александр Васильевич ушел в Новгород. Случилось это по просьбе новгородцев, которых одолевали немцы²⁴⁴. 6 июля 1447 г. произошло сражение в устье реки Наровы. Там князь Александр Васильевич показал своё ратное мастерство. *«И узреша Новгородичи оже Немце на бусахъ и на шнекахъ бежаху к Нарове, и поидоша Новгородичи на лодьяхъ противу ихъ, и начаша новгородичи и с немци пушками битися и стрелятися»*²⁴⁵. Победа осталась за князем Александром: *«Много их на мори в бусах погибоша, а инии истопоша в мори, а инех руками поимаша 80 и 4 Немчина, и с ними два князця яша немецкая»*²⁴⁶. 27 февраля 1448 г. в Великом Новгороде было заключено перемирие с немцами на 5 лет и достигнуто соглашение о большом «съезде» на реке Нарове. Съезд состоялся, в нем принимали участие по 200 человек с каждой стороны. Новгородцев возглавлял князь Александр Чарторыйский. 25 июля 1448 г. «в день Иакова апостола» был заключен мир на 25 лет²⁴⁷. Весной 1452 г. князь Чарторыйский с новгородцами совершил поход на союзника великого князя Василия Темного можайского князя Ивана Андреевича. Поход этот помог князю Дмитрию Шемяке пробиться в Новгород. *«В весне, в великое говенье поидоша Новгородци съ княземъ Олександромъ Васильевичемъ на князя Ивана Ондреевича Можайскаго; и то слышавъ князь Иванъ побежа, а Новгородци съ княземъ Александромъ Васильевичемъ, много волостей великого князя воеваша и пожгоша, и полона много приведоша»*. Тогда же Александр Васильевич женился на его дочери — Марье Дмитриевне²⁴⁸.

Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка вернулся в Новгород «изъ Заволочья» зимой 1452–1453 гг. А летом, «месяца Июля въ 17 день,

в вторникъ»²⁴⁹, он умер. «Людская молва говорятъ, что будет ось со отравы умерлъ, а привозиль с Москвы Стефан Бородатыи дьякъ къ Исаку к посаднику Богородицкому, а Исакъ, деи подкупиль княжа Дмитриева повара, именем Поганка, тѣи же дастъ ему зелие в курятии»²⁵⁰. В следующем 1454 г., весной «в великое говенье», Новгород покинул сын князя Дмитрия Шемяки — Иван Дмитриевич. Он отправился в Литву к королю польскому и великому князю литовскому Казимиру²⁵¹. А через год великий князь Василий решил нанести последний удар в гражданской войне, выбив из Новгорода последних сторонников князя Дмитрия Юрьевича, к которым, он, несомненно, причислял зятя отравленного — князя Александра Васильевича Чарторыйского.

19 января 1456 г., в понедельник, великий князь Василий Васильевич объявил поход на Новгород: «За неисправление Новгородцеу поиде на Новгород ратью»²⁵². Сбор войска назначили в Волоке-Ламском — «...на Волоце, и ту приидоша к нему братиа его и вси князи и воеводы его съ множествомъ воинства»²⁵³. Кампания развивалась стремительно. Князь Василий Васильевич приказал напасть на богатейший пригород неприятеля — Русу. Источники по-разному описывают состав посланной рати. В официальных московских сказано: «Отпусти князя Ивана Васильевича Оболеньского Стригу и Федора Басенка на Русу»²⁵⁴.

Ранним утром 2 февраля 1456 г., «...в понеделникъ на сырной недели, порану»²⁵⁵, город был взят без всякого сопротивления. Победителям досталась огромная добыча: «Они же пришед тамо многое множество богатства взяша, поне же бо не успеха выбежати люди суици тамо, ниже товара вывести или похоронити где»²⁵⁶. Известие о взятии Русы достигло Новгорода необычайно быстро. «И то слышавъ Новгородци поидоша из города того же дни по обеде, на масленой недели; а князь Василей Васильевичъ Низовъскый, и посадникъ Новгородъчкый Иванъ Лукыничъ Щока, и тысячный Василей Пантелеевичъ и Есифъ Васильевичъ Носовъ, а не в мнозе силе бояре, и житиѣ люди, и молодехъ людий немного». Совершив переход по замерзшему льду озера Ильмень (напрямую там чуть больше 40 км), воеводы расположились ночевать, чтоб дать отдых коням и обрушиться на ворога со свежими силами. Главный новгородский служилый князь Александр Васильевич Чарторыйский «...вышолъ после изъ города своимъ двором, и сталъ на Липне у святого Николе». Церковь святого Николая сохранилась по сей день,

она стоит в низовьях р. Мсты в 3 км от ее впадения в оз. Ильмень. Князь Александр стал собирать подходявшее из волостей воинство и формировать главную рать: *«Учалъ силу Новгородичкую умати ту тутю на ноць, а не пуцати за озеро»*²⁵⁷.

В развернувшемся на следующий день сражении новгородская рать под командованием князя Василия Васильевича Низовского (Суздальского) потерпела страшное поражение. Новгородцы в бою пытались применить литовскую тактику атаки *«с копья»*. Первоначально это принесло им успех, но в дальнейшем отсутствие дисциплины и слабое руководство, привело к неудаче. В поражении, как ни странно, обвинили именно князя Александра Васильевича, хотя он в бою не участвовал. Князя Чарторыйского обвинили в предательстве: *«Переветъ ли не вемъ держель еси к Низовцемъ и Русу у нас взяша»*. Возможно, обвинения послужили причиной смерти его молодой жены, княгини Марьи. Князь Александр Чарторыйский плюнул на господ новгородцев и уехал в Псков, *«и Псковичи его прияша в честь»*²⁵⁸.

В Пскове князь Александр Васильевич провел несколько лет, защищал земли от немцев, руководил возведением новой стены у реки Великой. Но и там до него дотянулась рука великого князя. В 1461 г. псковичи попросили назначить князя Александра к ним наместником, на что великий князь Василий Васильевич ответил: *«Аже токо поцелуетъ животворящий крестъ ко мне князю великому и къ моимъ детямъ»*, т.е. великий князь потребовал личной клятвы в верности. Князь Александр Васильевич отказался: *«Не слуга де яз великому князю и не боуде целованье ваше на мне, а мое на вас»*. Таким образом, утверждение, что князь Александр Чарторыйский якобы *«служил»* великому князю Василию Темному, неверно, если он и служил московскому князю, то только Дмитрию Юрьевичу Шемяке. После прощания на вече князь Александр Васильевич отбыл в Литву вместе со своим двором. *«А двора его кованои рати боевых людеи 300 человекъ, опричь кошовых»*²⁵⁹.

Именно *«боевые дворы»*, по-старому — *«дружины»*, так ценились московскими и прочими князьями при приёме на службу знатных беглецов из Литвы. Они представляли собой уже готовые, спаянные боевые единицы, лично преданные своему командиру. Впрочем, существовала вероятность, что такой боевой отряд мог перейти к сопернику

в полном составе и решить исход войны. Это не раз происходило в ходе гражданских войн и в Московской Руси, и в Литве, и в Орде.

Феномен «дворов» ярко проявился именно в период политической нестабильности. Конечно, личные отряды всегда существовали у всех более-менее крупных владетельных лиц, как светских, так и духовных. Из них, собственно, и формировалось «феодалное войско» в Восточной Европе. Но в период сильной централизованной власти все они входили в состав территориальных формирований и подчинялись великокняжеским воеводам. Этот принцип особо оговаривался в договорах между великими и удельными князьями: «А коли ми будет послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ хто имет жити въ моемъ оудел(е) и в [великомъ] княжен(ь)и, и темъ поехати с моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою»²⁶⁰. В великом княжестве литовском такое положение дел видно на примере Грюнвальдской битвы. В ней войско великого князя Витовта состояло из 18 территориальных хоругвей: Трокской, Виленской, Гродненской, Ковенской, Лидской, Медницкой, Смоленской, Полоцкой, Витебской, Киевской, Пинской, Новогрудской, Брестской, Волоковыской, Дрогиченской, Мельницкой, Кременецкой, Стародубской и трех именных хоругвей-дворов — князей Сигизмунда Корибутовича, Семена Лингвена Мстиславского и Георгия²⁶¹. В какой-то мере «двором» можно считать отряд султана Джелал-ад-Дина, который Ян Длугош оценивает в 300 воинов²⁶².

Перед боем великий князь Витовт поделил все территориальные и именные хоругви на 40 «тактических клиньев», «...присвоил этим клиньям 40 знамён, которые мы называем хоругвями, и велел каждому клину и отряду следовать под своим знаменем и подчиняться своему начальнику»²⁶³. Вероятно, такое решение было вызвано необходимостью иметь более управляемые и меньшие по численности боевые подразделения. В результате, территориальная Смоленская хоругвь оказалась разделенной на три «тактические», что, по-видимому, сыграло положительную роль в ходе боя²⁶⁴.

Но такие манипуляции мог производить полководец, обладавший полнотой власти. Именно таким был великий князь Витовт. После его смерти люди, получившие власть, были вынуждены считаться с теми, кто им эту власть дал, а эти люди обладали собственными воинскими

силами, над которыми великий князь был не властен. Любой обладатель «боевого двора» мог служить тому «великому князю», какому пожелает, хоть московскому, хоть литовскому, хоть хану ордынскому.

Кроме уже упомянутого «двора его кованой рати» князя Александра Чарторыйского, в источниках упомянуты 500 всадников князя Михайлушки Сигизмундовича, с которыми он выехал встречать новоизбранного великого князя Казимира Андрея Ягелонна. До 50 всадников со своих владений могли собрать представители рода Волимонтовичей²⁶⁵, хотя немецкий хронист Виганд приписывает их родоначальнику, Бушко, в 1365 г. воинский отряд в 400 человек²⁶⁶. Но времена менялись, менялись и литвинские ратники. Чуть менее чем за 100 лет они из «язычников, бросавших копьа в христиан» превратились в тех, кто удивлял соседей своим боевым порядком «с копыи, по-литовски».

Что же представлял собой этот боевой порядок? Скорее всего, то, о чем писал Ян Длугош относительно распоряжения великого князя Витовта перед Грюнвальдом: «Разделив его по стародавнему обычаю предков по клиньям и хоругвям, он поставил в каждом клине в середине рыцарей на худших конях или недостаточно хорошо вооружённых, которых окружали другие на более сильных конях и отлично вооружённые. Такие клинья, сомкнутые и скученные, не допускали разреженности рядов, но один клин держался отдельно от другого на большом расстоянии»²⁶⁷. Надо думать, прав Р. Гагуа, отметивший: «Из данного описания следует, что хоругви сражались в виде клиньев, и каждый клин выступал под отдельным знаменем. О боевом построении хоругвей в виде клиньев также свидетельствует малое количество воинов, находившихся в первых рядах польских отрядов». И признать верным его вывод: «Во время Грюнвальдской битвы армии противников состояли из хоругвей, являвшихся автономными боевыми единицами, имеющими своё собственное знамя и своего командира, который полностью осуществлял командование отрядом, руководствуясь обстоятельствами боя»²⁶⁸.

В условиях московской гражданской войны, которая велась силами княжеских дворов численностью в несколько сотен человек, и одна такая хоругвь представляла огромную силу. Правда, стоило содержание такого войска немало. Из письма князя Свидригайло известно, что жалование подобного отряда составляло «...на двести копий, то есть шестьсот коней по пяти коп грошей на копые в месяц, что составляет тысячу коп»²⁶⁹.

Литовская «*копа грошей*» включала в себя 60 пражских грошей. В то же время 100 пражских грошей составляли 1 рубль²⁷⁰. В московской денежной системе получится порядка 600 рублей в месяц. Сумма сопоставимая с ордынским выходом — 7000 рублей в год, который платило великое княжество владимирское в начале XV века²⁷¹. Именно поэтому московским великим князьям приходилось отдавать в «кормление» литовским выходцам наиболее богатые части великого княжения. Но «кровь дороже денег».

«Литовская тактика» выковалась в результате боевого опыта литвинов в боях с тевтонскими рыцарями и ордынцами. От немцев литвины переняли копьё и построение клином, от татар — саадак, то есть комплекс для лучного боя. Данный вывод подтверждает изображение короля Ягайло в каплице Люблина. Там король Владислав скачет на коне с копьём и саадаком. Защитный доспех, по сравнению с тевтонским, был значительно облегчен. От защиты коня и вовсе оказались. Это помогло наносить быстрые удары по конным лучникам, не позволяя им начать дистанционный бой, образно названный «танцем». Клин врезался в «хоровод» и разрушал взаимодействие степняков. Но в то же время он делал всадников очень уязвимыми против настоящих рыцарей. Под Грюнвальдом немцы практически безнаказанно уничтожали ратников князя Витовта, «...когда самые славные пали с обеих сторон, литовцы, русские и татары, как животные, в жертву приносились»²⁷². Другим слабым местом могла стать потеря мобильности. Именно так случилось под Русой. Новгородский клин, действовавший «по-литовски», уперся в плетень, засыпанный снегом, и был расстрелян москвичами. Причем те били не по всадникам в доспехах, а по лошадям, лишенным защиты.

«Копье» состояло из одного копейщика и двух конных стрелков — лучников или арбалетчиков. Во всяком случае, свита великого князя Ягайла в 1383 году состояла из 30 «*lanceis*» и 60 «*balistaris*»²⁷³. Во время боя стрелки, находящиеся внутри клина, должны были поддерживать копейщиков, стреляя через их головы. По мнению белорусского исследователя Юрия Бохана, «стандартная» численность литовской хоругви составляла 300 всадников. В качестве доказательств он упоминает переписку немецких комтуров и уже известную нам хоругвь князя Александра Чарторыйского²⁷⁴.

Если эта версия верна, то построение клиньев должно было соответствовать следующему описанию: «*В битве при Пилленрейтне*

11 марта 1450 года отряд жителей Нюрнберга из трёхсот человек был построен следующим образом: в первом ряду находилось пять, во втором — семь, в третьем — девять, наконец, в четвёртом ряду стояло одиннадцать рыцарей. Далее следовали кнехты, построенные четырёхугольником, который замыкали четырнадцать патрициев»²⁷⁵. Но существовали и другие построения, когда в первом ряду стояло восемь, четыре или три всадника²⁷⁶. Соответственно, и численность всадников в таких клиньях различалась. Численность семи тевтонских знамен — *banderia*, — принимавших участие в Грюнвальдской битве, сохранилась в трудах Яна Длугоша: Рейнская — шестьдесят копий, Мишненская — восемьдесят копий, Гданьская — сто копий, Торуньская — восемьдесят копий, вторая Гданьская — семьдесят копий, епископа Вармийского — сто и выше копий и Гневская — восемьдесят копий. Исходя из состава копьё в 3 человека, немецкие клинья должны были насчитывать: 180, 240, 300, 240, 210, 300 и 240 всадников.

Насколько высока вероятность использования боевого порядка в виде клиньев войсками великого княжества Московского? Ответить на этот вопрос, ввиду отсутствия подробных описаний боевых действий, невозможно. Судя по всему, до весны 1436 года «...полци князя великого изрядишася по своему обычаю». «Свой обычай» соответствовал ордынскому, который в описании немецкого хрониста выглядел так: «*Ut solent ambae nationes magnis agminibus non stantes pugnare, sed incurrentes jaculari et ferire, mox retrocedere*». То есть: «Оба народа по обычаю не сражались постоянно большим войском, а насккивали с метательным оружием, убивая, потом возвращаясь назад». После победы, одержанной благодаря князю Ивану Бабе при Скорятине, «удар в копы» мог обрести популярность. Тем паче что война велась силами дворов, численность которых не превышала 500 человек. Выучить пару сотен наиболее знатных дворян биться копьёми особого труда не составляло, тем более что «копейный бой» на Руси никогда не «уходил бесследно», он просто уступал первенство «лучному бою». Однако эта «инновация» не прижилась из-за страшных поражений от татар под Белевым и Суздаем. А с приходом на Москву сыновей Улуг-Мухаммеда Касыма и Якуба с пятью сотнями богатыров «вестернизация» Москвы сменилась на «ориентализацию», апофеозом которой стала битва под Русой.

Ссылки

- ¹ Слово о погибели Русской земли по смерти великого князя Ярослава. Изборник. — М., 1969. — С. 326.
- ² Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. — СПб., 1846. — № 1. — С. 1.
- ³ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 1. — С. 222.
- ⁴ Рогожский летописец // Полное Собрание Русских Летописей (далее — ПСРА). — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 41.
- ⁵ Там же. — Стб. 47.
- ⁶ Там же. — Стб. 59.
- ⁷ Симеоновская летопись // ПСРА. — М., 2007. — Т. 18. — С. 150.
- ⁸ Там же. — С. 92–93.
- ⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 3. — С. 14.
- ¹⁰ Рогожский летописец // ПСРА. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 47.
- ¹¹ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 1. — С. 600.
- ¹² Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 30. — С. 65.
- ¹³ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 292.
- ¹⁴ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссиею. — СПб., 1880. — Т. 6. Доп. № 24. — Стб. 137–140.

- ¹⁵ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII веков. — М., 2015. — С. 307; Кузьмин А. В. На пути в Москву. — М., 2014. — Т. 1. — С. 89–106.
- ¹⁶ Кузьмин А. В. На пути в Москву. — М., 2014. — Т. 1. — С. 107–121.
- ¹⁷ Виганд из Марбурга. Новая Прусская Хроника. — М., 2014. — С. 42, 150.
- ¹⁸ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 57.
- ²⁹ Кузьмин А. В. Восточная Европа и поражение войск великого княжества литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г. // *Studia Historica Europae Orientalis*. — Минск, 2012. — Вып. 5. — С. 100.
- ²⁰ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 2. — С. 359–360.
- ²¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 58.
- ²² Западнорусские летописи // ПСРЛ. — М., 2008. — Т. 17. — С. 32.
- ²³ Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. — М., 1980. — Т. 35. — С. 46.
- ²⁴ Кузьмин А. В. На пути в Москву. — М., 2014. — Т. 1. — С. 119, 121.
- ²⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 59.
- ²⁶ Там же. — Стб. 65.
- ²⁷ Татищев В. Н. История Российская. — М., 1996. — Ч. III. — Т. 5–6. — С. 108.
- ²⁸ Карамзин Н. М. История Государства Российского. — М., 1992. — Т. 4. — С. 168.
- ²⁹ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 10. — С. 228.
- ³⁰ Кучкин В. А. Духовные грамоты московского великого князя Ивана Ивановича Красного // *Средневековая Русь*. — М., 2005. — Вып. 5. — С. 239. Прим. 168.
- ³¹ Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // *Памятники истории русского служилого сословия*. — М., 2011. — С. 108.
- ³² Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. — М.; СПб., 2007. — С. 377. Прим. 2.
- ³³ Кузьмин А. В. На пути в Москву. — М., 2014. — Т. 1. — С. 87.
- ³⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 98.
- ³⁵ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. — М., 2003. — С. 162, 339.
- ³⁶ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 116.
- ³⁷ *Памятники Куликовского цикла*. — СПб., 1998. — С. 382. Именной указатель — Боброк-Волынец Дмитрий Михайлович.

- ³⁸ Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 43. — Стб. 149.
- ³⁹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 12. — С. 33–37; Кучкин В. А. Издание завещаний московских князей XIV в. (1389) Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — М., 2009. — № 37. — С. 132–136.
- ⁴⁰ Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 11. — С. 174.
- ⁴¹ Задонщина // Памятники Куликовского цикла. — СПб., 1998. — С. 89–90.
- ⁴² Новгородская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 355–356.
- ⁴³ Псковская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 26.
- ⁴⁴ Герберштейн... — С. 27.
- ⁴⁵ Герберштейн. Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 68.
- ⁴⁶ Там же. — Стб. 87.
- ⁴⁷ Там же. — Стб. 88–89.
- ⁴⁸ Там же. — Стб. 91.
- ⁴⁹ Там же. — Стб. 94.
- ⁵⁰ Виганд из Марбурга. Новая Прусская Хроника. — М., 2014. — С. 74–75.
- ⁵¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 99.
- ⁵² Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007 — Т. 18. — С. 112–113.
- ⁵³ Там же. — С. 113.
- ⁵⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 100.
- ⁵⁵ Герман Вартбергский. Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1879. — Т. 2. — С. 125.
- ⁵⁶ Там же. — С. 126–127.
- ⁵⁷ Там же. — С. 128–129.
- ⁵⁸ Там же Там же. — С. 129–130.
- ⁵⁹ Полоцкие грамоты. — М., 1980. — Вып. 3. — С. 142; Бохан Ю. Ваяры Грунвальдской битвы. — Минск, 2010. — С. 28–29.
- ⁶⁰ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 1. — С. 222–223.

- ⁶¹ Виганд из Марбурга. Новая Прусская Хроника. — М., 2014. — С. 88–89
- ⁶² Новгородская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 375.
- ⁶³ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб.138.
- ⁶⁴ Памятники Куликовского цикла. — СПб., 1998. — С. 381, 386. Именной указатель — Андрей и Дмитрий Ольгердовичи.
- ⁶⁵ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб.144.
- ⁶⁶ Опись архива Посольского приказа 1626 года. — М., 1977. — Ч. 1. — С. 34–35.
- ⁶⁷ Полоцкие грамоты. — М., 1977. — Вып. 1. — № 8. — С. 45–48.
- ⁶⁸ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 150.
- ⁶⁹ Полоцкие грамоты. — М., 1980. — Вып. 3. — С. 157–158.
- ⁷⁰ Псковская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 29.
- ⁷¹ Там же. — С. 29–30.
- ⁷² Новгородская IV летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 367.
- ⁷³ Псковская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 07.
- ⁷⁴ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 386.
- ⁷⁵ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 374–375.
- ⁷⁶ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 165.
- ⁷⁷ Родословная роспись дворян Палициных. Археографический ежегодник за 1989 год. — М., 1990. — С. 279.
- ⁷⁸ Государственные поминальные записи // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 171.
- ⁷⁹ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий — СПб., 1887. — Т. 2. — С. 138–139.
- ⁸⁰ Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV — первой половине XVI века. — М., 2003.
- ⁸¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб.153.
- ⁸² Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий — СПб., 1887. — Т. 1. — С. 302.
- ⁸³ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 221.
- ⁸⁴ Там же. — С. 232.

- ⁸⁵ Там же. — С. 234.
- ⁸⁶ Пятраускас Р. Литоуская знаць у канцы XIV–XV Стб. — Смоленск, 2014. — С. 172.
- ⁸⁷ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 507.
- ⁸⁸ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 1. — С. 491.
- ⁸⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 234.
- ⁹⁰ Конявская Е. Л. Повесть о Плаве и летописные статьи Тверского Сборника за первое десятилетие XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 28. — С. 81–95.
- ⁹¹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 151; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 234.
- ⁹² Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 472.
- ⁹³ Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся — М., 1788. — Т. 6. — С. 451.
- ⁹⁴ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 475.
- ⁹⁵ Шеков. А. В. Верховские княжества XIII — середина XVI в. — М., 2012. — С. 240, 242. Карта-вклейка № 4 между с. 128–129.
- ⁹⁶ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 476.
- ⁹⁷ Там же. — Стб. 477–478.
- ⁹⁸ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 154; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 237.
- ⁹⁹ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 478.
- ¹⁰⁰ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 154.
- ¹⁰¹ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 480–481.
- ¹⁰² Там же. — Стб. 475.
- ¹⁰³ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 154.
- ¹⁰⁴ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 180–181.
- ¹⁰⁵ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 154–155.
- ¹⁰⁶ Зотов Р. В. О черниговских князьях по Любецкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892. — С. 125.
- ¹⁰⁷ Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 30.

- ¹⁰⁸ Бычкова М. Е. Русско-литовская знать XV–XVII вв. — М., 2015. — С. 85.
- ¹⁰⁹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 155.
- ¹¹⁰ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 181.
- ¹¹¹ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2015. — С. 197.
- ¹¹² Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 179.
- ¹¹³ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 474.
- ¹¹⁴ Там же. — Стб. 476.
- ¹¹⁵ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 507.
- ¹¹⁶ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 238.
- ¹¹⁷ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2015. — С. 196–197.
- ¹¹⁸ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 483.
- ¹¹⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 238.
- ¹²⁰ Летописный свод 1497 г. // ПСРЛ. — Л., 1963. — Т. 28. — С. 92.
- ¹²¹ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 483–484.
- ¹²² Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 238–239.
- ¹²³ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 185.
- ¹²⁴ Горский А. А. Москва и Орда. — М., 2015. — С. 134.
- ¹²⁵ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 240.
- ¹²⁶ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 485–486.
- ¹²⁷ Рогожский летописец // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 186.
- ¹²⁸ Древняя российская вивлиофика, или Собрание древностей российских, до российской истории, географии и генеалогии касающихся — М., 1788. — Т. 6. — С. 452.
- ¹²⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 369.
- ¹³⁰ Кузьмин А. В. Опыт комментария к актам полоцкой земли второй половины XIII — начала XV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2007. — № 30. — С. 58–59.
- ¹³¹ Тверская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 487.
- ¹³² Там же. — Стб. 445; Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. 1. — С. 65.

- ¹³³ Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. — М., 2008. — Т. 2. — С. 315. Прим. 117.
- ¹³⁴ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 21–22. — С. 59, 62.
- ¹³⁵ Мазуров В.Н., Никандров А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжение в середине XIV — первой половине XV вв. — М., 2008. — С. 239.
- ¹³⁶ Там же. — С. 140. Прим. 424.
- ¹³⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952. — Т. 1. — № 30, 31, 41, 43. — С. 41–43, 47–49.
- ¹³⁸ Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 181.
- ¹³⁹ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М., 1988. — С. 29; ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 2. — С. 67; 350.
- ¹⁴⁰ Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 232.
- ¹⁴¹ Новгородская летопись по списку П.П. Дубровского // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 43. — Стб. 129.
- ¹⁴² Воскресенская летопись // ПСРЛ. — М., 2001. — Т. 7. — С. 254.
- ¹⁴³ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. — СПб., 1899. — Т. 1. — С. 147.
- ¹⁴⁴ Карамзин Н.М. История Государства Российского. — М., 1993. — Т. 5. — С. 328.
- ¹⁴⁵ Келембет С.Н. Суздальско-Нижегородские князья Александр Взметень и Александр Брюхатый (генеалогия и хронология правления) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2016 — № 65. — С. 34–36.
- ¹⁴⁶ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 25.
- ¹⁴⁷ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 165; Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 244.
- ¹⁴⁸ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 214.
- ¹⁴⁹ Донской Д.В. Рюриковичи. Исторический словарь. — М., 2008. — № 75, 167. — С. 102, 271.

- ¹⁵⁰ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1952. — Т. 1. — № 57. — С. 56–57.
- ¹⁵¹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 245.
- ¹⁵² Псковская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 39–40.
- ¹⁵³ Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 182.
- ¹⁵⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 251.
- ¹⁵⁵ Там же. — С. 250.
- ¹⁵⁶ Новгородская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 3. — С. 419.
- ¹⁵⁷ Новгородская IV летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 4. — Ч. 1. — С. 453.
- ¹⁵⁸ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 260.
- ¹⁵⁹ Там же. — С. 264.
- ¹⁶⁰ Симеоновская летопись // ПСРЛ. — М., 2007. — Т. 18. — С. 209.
- ¹⁶¹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 273.
- ¹⁶² Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 578–579.
- ¹⁶³ Золотая Орда в источниках. — М., 2003. — Т. I. — С. 440.
- ¹⁶⁴ Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. — Тула, 2009. — Вып. 4. — С. 207.
- ¹⁶⁵ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 50–51.
- ¹⁶⁶ Беспалов Р. А. Битва коалиции феодалов Верхнего Поочья с ханом Куйдадатом осенью 1424 года // Верхнее Подонье: Археология. История. — Тула, 2009. — Вып. 4. — С. 207–208.
- ¹⁶⁷ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 579.
- ¹⁶⁸ Псковская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 43.
- ¹⁶⁹ Псковская вторая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 5. — Вып. 2. — С. 44.
- ¹⁷⁰ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 252.
- ¹⁷¹ Ермолинская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 149.

- ¹⁷² Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 252.
- ¹⁷³ Лицевой Летописный Свод. Русская летописная история. — М., 2010. — Кн. 13. 1425–1443 гг. — С. 199.
- ¹⁷⁴ Типографская летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 24. — С. 183.
- ¹⁷⁵ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 252.
- ¹⁷⁶ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 69.
- ¹⁷⁷ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 95. — С. 381.
- ¹⁷⁸ Родословная книга по списку князя М. А. Оболенского // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 133.
- ¹⁷⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 245.
- ¹⁸⁰ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 51.
- ¹⁸¹ Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков. — Рязань, 2011. — С. 52.
- ¹⁸² Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. — М., 1964. — Т. 3. — № 283. — С. 299, 503. Прим. 283.
- ¹⁸³ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. — М., 2008. — Т. 4. — № 369. — С. 276.
- ¹⁸⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 219.
- ¹⁸⁵ Пономорёва И. Г. История одного выезда на московскую службу (о предках Чаадаевых) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. — 2005. — № 22. — С. 46–50.
- ¹⁸⁶ Рахимзянов Б. Р. Москва и татарский мир. — СПб., 2016. — С. 146.
- ¹⁸⁷ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 54.
- ¹⁸⁹ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 248.
- ¹⁹⁰ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 191.
- ¹⁹⁰ Коцебу А. Свитригайло, Великий Князь Литовский. — СПб., 1833. — С. 94.

- ¹⁹¹ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 199.
- ¹⁹² Там же. — С. 599.
- ¹⁹³ Золотая Орда в источниках — М., 2003. — Т. 1. — С. 442.
- ¹⁹⁴ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 259.
- ¹⁹⁵ Коцебу А. Свитригайло, Великий Князь Литовский. — СПб., 1833. — С. 195.
- ¹⁹⁶ Там же. — С. 221–222.
- ¹⁹⁷ Там же. — С. 228–229.
- ¹⁹⁸ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 260.
- ¹⁹⁹ Зимин А. А. Витязь на распутье. — М., 1991. — С. 82–83.
- ²⁰⁰ Степенная книга царского родословия. — М., 2008. — Т. 2. — С. 327.
- ²⁰¹ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб 69.
- ²⁰² История о Казанском Царстве // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 19. — Стб. 17.
- ²⁰³ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 260.
- ²⁰⁴ Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. // ПСРЛ. — Л., 1982. — Т. 37. — С. 43.
- ²⁰⁵ Софийская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб 69–70.
- ²⁰⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М., 1969. — С. 286.
- ²⁰⁷ Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. — Саранск, 1960. — С. 243–248.
- ²⁰⁸ Барбаро и Контарини о России. — М., 1971. — С. 150–151.
- ²⁰⁹ Ермолинская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 150.
- ²¹⁰ Российская родословная книга. — СПб. 1855. — Ч. 2. — С. 265.
- ²¹¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 53. — С. 161–162.
- ²¹² Ермолинская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 150.
- ²¹³ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 599.
- ²¹⁴ Русская историческая библиотека. — СПб. 1910. — Т. 27. — № 20. — Стб. 86–88.
- ²¹⁵ Темушев В. Н. Гомельская земля в конце XV — первой половине XVI в. — М., 2009. — С. 58.

- ²¹⁶ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 2. — С. 14.
- ²¹⁷ Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. — М., 2004. — Т. 25. — С. 395.
- ²¹⁸ Ермолинская летопись // ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 151.
- ²¹⁹ Софийская первая летопись // ПСРА. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 53.
- ²²⁰ Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. — М., 2004. — Т. 25. — С. 248.
- ²²¹ Рогожский летописец // ПСРА. — М., 2000. — Т. 15. — Стб. 131–132.
- ²²² Софийская первая летопись // ПСРА. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 104.
- ²²³ Симеоновская летопись // ПСРА. — М., 2007. — Т. 18. — С. 193.
- ²²⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. — М., 2004. — Т. 25. — С. 95.
- ²²⁵ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 449–450.
- ²²⁶ Государственные поминальные записи // Памятники истории русского служилого сословия. — М., 2011. — С. 194.
- ²²⁷ Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. — М., 2004. — Т. 25. — С. 263.
- ²²⁸ Псковская первая летопись // ПСРА. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 47.
- ²²⁹ Ермолинская летопись // ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 152.
- ²³⁰ Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. — М., 2004. — Т. 25. — С. 264–266.
- ²³¹ Ермолинская летопись // ПСРА. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 153.
- ²³² Софийская первая летопись // ПСРА. — М., 2000. — Т. 6. — Вып. 1. — Стб. 115–116.
- ²³³ Московский летописный свод конца XV века // ПСРА. — М., 2004. — Т. 25. — С. 269.
- ²³⁴ Инока фомы слово похвальное [Электронный ресурс]. <<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5060>>.
- ²³⁵ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 2. — С. 739.
- ²³⁶ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 568–569.
- ²³⁷ ВКЛ. Энциклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 2. — С. 739.
- ²³⁸ Хроника Быховца. — М., 1966. — С. 89–90.
- ²³⁹ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 469.

- ²⁴⁰ Ермолинская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 151.
- ²⁴¹ Псковская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 46.
- ²⁴² Хроника Быховца. — М., 1966. — С. 89.
- ²⁴³ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 265.
- ²⁴⁴ Псковская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 48.
- ²⁴⁵ Летопись Авраамки // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 190–191.
- ²⁴⁶ Псковская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 48.
- ²⁴⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. — М.; Л., 1949. — № 72, 73. — С. 117–124.
- ²⁴⁸ Летопись Авраамки // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 193.
- ²⁴⁹ Там же.
- ²⁵⁰ Ермолинская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1910. — Т. 23. — С. 155.
- ²⁵¹ Летопись Авраамки // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 193.
- ²⁵² Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 274.
- ²⁵³ Иосафовская летопись. — М., 2014. — С. 48.
- ²⁵⁴ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 274.
- ²⁵⁵ Летопись Авраамки // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194.
- ²⁵⁶ Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 274.
- ²⁵⁷ Летопись Авраамки // ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 16. — Стб. 194–195.
- ²⁵⁸ Там же. — Стб. 196.
- ²⁵⁹ Псковская первая летопись // ПСРЛ. — М., 2003. — Т. 5. — Вып. 1. — С. 58.
- ²⁶⁰ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 11. — С. 32.
- ²⁶¹ Длугош Ян. Грюнвальдская битва. — СПб., 2007. — С. 91.
- ²⁶² Там же. — С. 68–69.
- ²⁶³ Там же. — С. 72.
- ²⁶⁴ Там же. — С. 102.
- ²⁶⁵ Полев С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 271.

- ²⁶⁶ Пятраускас Р. Литовская знаць у канцы XIV–XV Стб. — Смоленск, 2014. — С. 85.
- ²⁶⁷ Длугош Ян. Грюнвальдская битва. — СПб., 2007. — С. 72.
- ²⁶⁸ Гагуа Р. Грюнвальдская битва в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410». — Пинск, 2009. — С. 98, 101.
- ²⁶⁹ Полехов С. В. Наследники Витовта. — М., 2015. — С. 568. Прим. 47.
- ²⁷⁰ ВКЛ. Энцыклапедыя. — Минск, 2007. — Т. 1. — С. 103.
- ²⁷¹ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. — М.; Л., 1950. — № 16. — С. 44.
- ²⁷² Гагуа Р. Грюнвальдская битва в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410». — Пинск, 2009. — С. 121.
- ²⁷³ Бохан Ю. М. Узбраенне насельництва беларуских зямель у XIV–XV стагоддзях. — Минск, 2012. — С. 13.
- ²⁷⁴ Бохан Ю. М. Ваяры Грюнвальдскай битвы. — Минск, 2010. — С. 89–90.
- ²⁷⁵ Гагуа Р. Грюнвальдская битва в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410». — Пинск, 2009. — С. 99.
- ²⁷⁶ Длугош Ян. Грюнвальдская битва. — СПб., 2007. — С. 88.